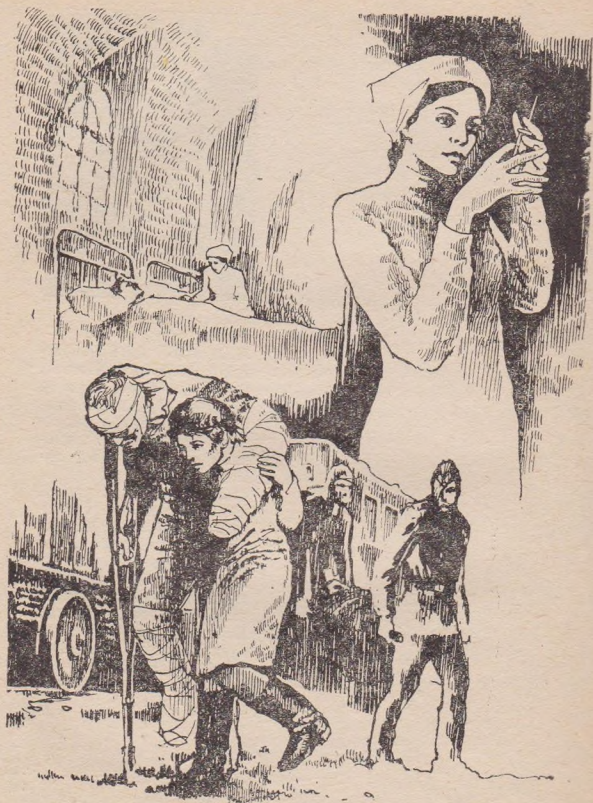

**ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВ-
НА БУТКЕВИЧ.** В годы
Великой Отечественной
войны — медицинская се-
стра полевого подвиж-
ного госпиталя, входив-
шего в состав 38-й ар-
мии. Прошла по доро-
гам войны от Курской
дуги до Польши, Герма-
нии и Чехословакии. На-
граждена многими меда-
лями. После войны тру-
дилась операционной ме-
дицинской сестрой, рабо-
тала на производстве.
В настоящее время на
заслуженном отдыхе.
Живет в Перми.

Л. Буткевич
**В ПОЛЕВОМ
ГОСПИТАЛЕ**

НА ФРОНТ!

В военкомате многолюдно, шумно. Сегодня здесь больше, чем когда-либо, девушек, будущих моих спутниц по дорогам войны.

Одну за другой называли наши фамилии, приглашая с родителями на беседу к военкому. Молодой лейтенант, приоткрывая дверь кабинета, четко произносил:

— Гладких!

— Драченко!

— Никулина! — необычно громко, как мне показалось, прозвучала моя фамилия.

Я вздрогнула. Что-то сейчас будет?!

Вошли в просторный кабинет военкома.

— Присаживайтесь, — указав на стулья, сказал лейтенант.

Из-за стола поднялся высокий плотный человек в военной форме с двумя шпалами в петлицах. Привычным движением поправив гимнастерку, он подошел к нам.

— Уважаемые отец и мать, ваша дочь добровольно идет на фронт. Подавала несколько заявлений. Уверен, что она вам в этом не призналась. Что вы, родители, на это скажете?

Мать с отцом посмотрели на меня. Помолчали.

— Сама решила — наверное, так и надо. Пусть идет с богом, — тихо и покорно проговорила мать.

Я понимала, каких усилий стоило матери, чтобы произнести эти слова, потому безмерно была благодарна ей и горда за материнскую поддержку.

— Спасибо, мамочка. Простите, пожалуйста. Не могла сказать вам об этом раньше, чтобы не волновать раньше времени.

Отец не сказал ни слова. Трудно было угадать, что творилось на душе у старого солдата и как оценивал он мой поступок.

Немного времени спустя все тот же лейтенант, выйдя из кабинета, зачитал список фамилий, где значилась и моя, и скомандовал:

— На выход, стройся!

Наскоро прощаюсь с родителями. Пристраиваюсь в шеренгу.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый!..

— Шестой!..

— Пятнадцатый!..

— Старшей назначается Гладких!

— Есть! — ответила Гладких.

Наш маршрут лежал от Кировского райвоенкомата к железнодорожной станции Нижняя Курья.

Посмотрела на девчат, соображая, с кем бы из них познакомиться, но все они шли уже попарно, оживленно разговаривая, и казались такими серьезными и недоступными. К великой досаде, я ростом оказалась меньше всех. «Ну и пусть!», — подумала я и зашагала одна, уже воображая себя солдатом на марше.

— Подтяни-ись! — скомандовала Гладких.

Она понравилась всем с первых минут похода. Среднего роста, коренастая, с карими смеющимися глазами в длинных лохматых ресницах. Одета в ватник, в серую пуховую шапку с длинными ушами, а походный вид дополнял вещевой мешок за спиной. Еще бы ей брюки — и сошла бы за парня-подростка.

Гладких оказалась веселой и озорной. То к одной из девчат подойдет и начнет боксировать, то другую тормозить, поднимая настроение. И уже обращаясь ко всем:

— Давайте знакомиться. Меня Шурой можете звать.

— А я Оксана Драченко, — назвалась идущая по обочине дороги девушка с миловидным личиком в форменной одежде учащихся школ ФЗУ — черной шинели с блестящими пуговицами и берете, из-под которого выбивались русые кудряшки.

— Оксана, а ты родом откуда? — полюбопытствовала Шура.

— Нас с ремесленным училищем эвакуировали с Николаевской области.

— А что, в этом училище медицине тоже учат?

— Да нет, — смеется Оксана. Кивнув на подруг, одетых в такую же форму, она объяснила: — Это мы с девочками на фронт захотели попасть и окончили курсы медсестер.

— Добровольцы, значит? Молодцы!

— А угадайте, кто я? Без меня вам, пожалуй, не обойтись, а со мной — не пропадете, — рассмешила высокая, тоненькая, как тростиночка, девушка.

Мы с любопытством посмотрели на нее, прикидывая, кто она.

— Да парикмахерша я, Люся.

— О-о! — оживились девчата. — И на самом деле не пропадем! Причесывать нас по утрам станешь.

Подойдя ко мне, командирша сдвинула на глаза берет и сказала:

— А это Любаша Никулина. Ну, солдатик, небось уже устала? — И, не дожидаясь ответа, произнесла: — Я твоих родителей знаю давно. Сегодня с мамой разговаривали. Она просила взять над тобой шефство. Принимаешь?

— Принимаю, конечно, — обрадовалась я.

— А вы похожи друг на друга, как сестры, — заметила Оксана, — даже косички одинаковые.

— Так мы же сестры и есть, только медицинские, — шутит Шура.

Перезнакомились. Оживился разговор. Появились шутки, смех.

Нам всем было по семнадцать-двадцать лет. Настроение — хорошее. Казалось, никто не задумывался о дальнейшей цели своего похода. О том, что ожидает каждую впереди, в каких условиях предстоит жить и работать.

— Давайте споем, — не унималась командирша.

Девушки молча, выжидающе посматривали друг на друга. А у меня настроение было превосходным, и я осмелилась запеть:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Все дружно подхватили песню и зашагали в ногу, как настоящие солдаты.

С песнями ехали и в поезде. Не заметили, как добрались до Перми, где предстояло сформироваться в часть, пройти необходимые военные науки, прежде чем отправиться по назначению.

Несколько длинных барakov, находящихся на окраине города, были наполнены шумом и гамом. ...В большую комнату, где разместился штаб, прибывали и прибывали люди, как и мы, группами, направленными из разных военкоматов области. Капитан, принявший поданное Шурой предписание военкома, объяснил, что формируется несколько хирургических полевых подвижных госпиталей, в один из которых мы будем зачислены. А кто не любит хирургию, того можно направить в терапевтический.

Мы были уверены, что терапевтический останется в тылу, а с хирургическим непременно попадем на фронт, поэтому попросили зачислить всех вместе в один хирургический госпиталь.

Капитан сделал пометку в своих записях, потом на нашем предписании и передал его женщине, сидящей за соседним столом.

— Будем знакомиться. Делопроизводитель-медстатистик будущего ХППГ — хирургического полевого подвижного госпиталя № 5148 — Еговцева Клавдия Степановна, — весело произнесла молодая женщина, поднявшись нам навстречу.

Она была среднего роста, черноглазая, с двумя длинными распущенными косами. По профессии оказалась учительницей. Чтобы попасть на фронт, окончила шестимесячные курсы медсестер.

— А это начштаба, он же начальник финчасти, лейтенант Крутов, — представила она средних лет, степенного, медлительного человека, подошедшего и присевшего к ее столу.

Клавдия Степановна записала в книгу все данные, что касалось личности каждой из нас. Затем объяснила, что поставила на продовольственный учет. Все было ясно. Мы пока свободны.

Вошли в соседнюю комнату, просторную, со сдвинутыми вдоль стен столами и стульями, на которых сидели или стояли возле разные по возрасту люди — молодые и постарше, мужчины и женщины. В центре внимания была худенькая, изящная голубоглазая блондинка лет двадцати пяти. Она пела под гитару веселую песенку, слова которой будто бы касались меня:

Я много в жизни потерял
Из-за того, что ростом мал...

Это была старшая операционная сестра формируемого госпиталя Миля Бойкова.

Здесь собрались врачи, сестры и санитарки, лаборанты и фармацевты... Кроме медиков — повара и заготовители продуктов, сапожники и портные, шоферы, парикмахер...

Этим людям предстояло сформироваться в одно самостоятельное медицинское учреждение, войти в состав действующей армии и по-своему драться с врагом.

Нам представили старшину. По выцветшей солдатской гимнастерке и по боевому ордену Красной Звезды было видно, что Иван Александрович Блохин фронтовик. Был он грузно-

ватый, малоподвижный, очень добродушный, по-отцовски заботливый. Его уверенные распоряжения и справедливые замечания заставляли проникнуться к нему уважением.

Несколько дней спустя состоялась первая встреча и знакомство с руководством госпиталя.

— Начальник госпиталя, майор медицинской службы Темкин Ефим Яковлевич, — представил старшина.

Это был человек среднего роста, лет около пятидесяти, худощавый, ничем не примечательный. Нам показался добрым и очень спокойным.

— Не на курорт едем, — произнес он первые слова, — работа предстоит жаркая...

Затем поднялся богатырского телосложения, интересный, с правильными чертами лица заместитель начальника по политчасти, капитан Юрий Васильевич Таран. Он из Полтавы. На Урале оказался после ранения. О себе сообщил коротко: политико-воспитательной работой начал заниматься еще в двадцать первом году. Был организатором комсомольско-молодежных дел в своем городе.

Далее старшина познакомил с ведущим хирургом капитаном медслужбы Оксом и другими товарищами.

Я, как и все девчата, с нетерпением ждала, когда нас обмундируют. Когда, наконец, мы станем настоящими солдатами. Но пока мы получили только гимнастерки и юбки. Шел холодный метелистый март, и положено было носить еще зимнюю одежду, потому нам выдали серые шапки-ушанки, вместо ожидаемых сапог — ботинки. Не обрадовало меня и то, что не шинель пришлось надевать, а большой ватный бушлат, в комплекте с которым оказались такие же стеганые брюки. Это вызвало веселое оживление населения барачков.

Девчата примеряли «обновку», подгибали рукава, запахивали полы в полтора раза вокруг себя и подтягивались ремнем.

— В общем-то ничего! — пришли к выводу.

Я же в бушлат могла завернуться и два раза, и по длине он был мне все равно, что пальто.

Потом выдали погоны и через некоторое время присвоили воинские звания. Врачи стали капитанами и старшими лейтенантами, старшие сестры госпитальных отделений — младшими лейтенантами, а палатные и перевязочные — старшими сержантами.

Настал день, когда в торжественной обстановке приняли военную присягу на верность Родине. Слова этой торжественной клятвы для меня прозвучали особым законом в жизни. Каждое слово накрепко врезалось в память:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну...

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского Закона и всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Я твердо усвоила, что «приказ командира — закон», о чем нередко напоминал старшина, и беспрекословно старалась выполнять все распоряжения и приказы старших по званию.

...Развертывали свою работу партийная и комсомольская организации, разъясняя важность стоящих перед каждым задач. Комсоргом избрали с наибольшим стажем членства в ВЛКСМ и наиболее активную и общительную Оксану Драченко.

Коммунистов пока было всего три человека. Партгруппу возглавил замполит Таран.

Старшина учил разбирать и собирать винтовку, пистолет, как обращаться с гранатой. Я с интересом слушала и терпеливо познавала все премудрости военной науки и строевой службы.

- На-ле-во! На-пра-во! Кру-у-гом! — муштровал Блохин.
- Никулина, выйти из строя!
- Есть выйти из строя! — отвечала я.
- Встать в строй!
- Есть встать в строй!

Но самым важным и главным сейчас занятием была для нас медицинская практика. Большинство врачей и сестер не имели опыта. Первые пришли с институтской скамьи, медсестры — после краткосрочных курсов. Да и ранее окончившим не всем пришлось работать в госпиталях. Эти занятия необходимы были именно теперь, чтобы подучиться, узнать специфику ухода за ранеными, чтобы с началом работы в полевых условиях не растеряться.

Наконец, формирование и вся подготовительная работа закончились. Объявили, что завтра начнется погрузка в эшелон.

Моя беспокойная мама навевывалась часто. А в этот день еще до подъема приехала вместе с отцом.

— Предчувствие не дает покоя, — сказала она.

— Мама, ты, пожалуйста, за меня не очень беспокойся. Не на передовую еду, а в госпитале буду работать. Ничего со мной не случится.

Отец выглядел усталым, мрачным. Когда мама отошла от нас, он показал мне повестку, полученную вчера, в которой значилось то же, что и в моей: «Явиться в военкомат к девятой утра, иметь при себе пару белья, кружку, ложку...»

Мать об этом еще не знала. Вот оно что! Я поняла настроение отца. Он беспокоился не только за меня, но и за маму. Ей предстоит еще раз переволноваться.

Повернулась она к нам и увидела знакомый листочек бумаги.

— Значит, тоже уходишь? Ну что же, идите. Провожу. Только помните, что вся моя жизнь проходит в ожиданиях, так не заставляйте ждать долго. — И закрыла лицо руками. Потом, словно спохватившись, произнесла:

— Отец, тебе пора уходить. Я останусь.

— Да, я пойду. Видишь, дочь, время какое — и проводить тебя не придется. Ну, до свидания.

— До свидания, папа.

— Возвращайся с победой!

— Непременно, папа, только с победой!

Эшелон для погрузки был подан на станцию Пермь II. С утра началась перевозка госпитального имущества. К вагонам то и дело подходили машины, груженные ящиками с продуктами, мешками, туго набитыми бельем, с носилками и другим медицинским оборудованием.

Справа и слева от наших вагонов размещались коллективы других госпиталей и спецгрупп — наши будущие спутники по военным дорогам.

Мать не уехала домой, как другие.

— Останусь с тобой до конца! — заявила категорично.

На станцию пришла задолго до отправки эшелона. Уговорила часовых пропустить ее туда, где шла погрузка. Села в сторонке на порожний ящик и наблюдала за происходящим вокруг. Когда я, улучив минутку, подошла к ней, она озабоченно вздохнула:

— Ох, какие тяжести вам приходится переносить. Побереги себя.

— Хорошо, мама.

А сама снова взваливала мешки на спину, под тяжестью которых еле удерживалась на ногах. Не потому, что пренебрегала советом матери, просто не то было время, чтобы подбирать груз полегче.

...Неожиданно раздалось:

— По ва-го-на-ам!

Сердце замерло. Спешу к матери.

— Мамочка, дорогая моя, прости, пожалуйста, что доставляю тебе столько страданий. Писать обещаю часто, часто. И сразу же приеду, как только кончится война. Приеду и скажу: здравствуй, мама, вот и я!

— В добрый путь! — произносит она.

Тоскливо ныла душа. Ужасно жаль стало мать. Ведь ей предстоят еще одни проводы. На третью войну она провожать будет отца, на вторую проводила зятя, а тут еще и я за ними.

— Да, мамочка, пусть путь наш будет добрым. А ты крепись и жди нас терпеливо. Мы непременно вернемся!

Спешу к вагону, чтобы не расплакаться. Мать кивает мне головой, прижимая ко рту кончик платка, завязанного под подбородком.

Раздался долгий прощальный свисток паровоза. Резко дернулись и поплыли вагоны, постепенно набирая скорость. Кто-то из девчат запел: «Прощай, любимый город...» Песню подхватили хором. А я смотрела на мать. Она не шла за вагоном. Может, не могла или думала, что теперь все равно не догонишь. Еще раз мелькнула из-за станционной будки ее маленькая неподвижная фигурка и скрылась за поворотом надолго, надолго...

«По-ско-рей, по-ско-рей!» — отстукивают колеса вагона. Это я их подгоняю. Может, и глупо, но я спешу на фронт. Радуюсь, торжествую, что сбылась моя мечта.

В нашем вагоне разместились часть врачей, медсестер и санитаров во главе с замполитом. В основном здесь находилось одно отделение госпиталя — второе.

Вот, задумавшись, сидит заведующая этим отделением капитан медслужбы Вера Петровна Чигогидзе. Кареглазая, с правильными чертами лица, очень обаятельная. Темные длинные волосы заплетены и уложены на затылок плотным клубком. Рядом с ней молодая докторша старший лейтенант Ирина Васильевна Кабакова. Они подружились с первых дней встречи и теперь всюду вместе.

Командиром среднего и младшего медперсонала, старшей сестрой второго отделения назначена младший лейтенант Валентина Лашук. Ей двадцать лет. Мы уже знаем, что Валя родом из Минска. С первых дней войны она побывала на фронте, была ранена и лечилась в госпитале. Она уже имела боевые награды — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Мы смотрели на нее с большим уважением и даже завистью.

На первом организационном собрании Валя зачитала фа-

мии сестер и санитарок, которые вошли во второе отделение. Услышав свое имя, я очень обрадовалась, что оказалась в ее подчинении.

Из нянечек в вагоне была только Маша Гуляева, чуть выше среднего роста, на вид сильная девушка со здоровым загаром лица и рук.

А вот исполнительница романсов, старшая операционная сестра, Миля Бойкова. Она выявляет таланты. Не теряя времени, создает кружок самодеятельности. Миля — бывшая воспитанница детского дома. Веселая, общительная.

Уже несколько часов в пути. Люди устраиваются на отдых. Кто на верхних, кто на нижних нарах. Всюду разостлана солома. Я «свила» себе уютное гнездышко под боком у Шуры...

К исходу вторых суток прибыли на станцию Горький.

— Пойдем посмотрим, — позвала Шура.

Мы вышли из вагона... Оказалось, здесь только что был налет вражеских самолетов. Еще не улеглась тревога. Тушат пожары. Переносят раненых. Видим разрушенный и дымящийся вокзал, искореженный пешеходный мост, перекинутый через железнодорожные пути...

Все это нас потрясло. Вот какая она, война! Жестокая, беспощадная! Она пришла сюда за сотни и тысячи километров, где живут мирные люди. Она нарушила их покой, нормальную привычную жизнь.

Вспомнила я, как мы в детстве с ребятами почему-то боялись самолетов, когда они пролетали низко над селом. Убегали с улицы в дом и прятались. Кто под стол, а кто за мать. Почему-то большая железная птица внушала страх, хотя никакого вреда не причиняла.

От этих же вражеских «черных воронов», несущих смерть, дети не найдут спасения под столом, а от душераздирающего свиста и взрыва бомбы невозможно избавиться, спрятавшись за мать.

Долгими днями и вечерами, знакомясь друг с другом, вытягивали подробности из жизни своих спутников.

Шура рассказала, что выросла среди троих своих братьев. Наверное, потому и была по-мальчишески озорной. Дома успевала всюду. Любила шить и вышивать. Помогала матери по хозяйству, в огороде. Нравилось работать на колхозном поле, где всегда многолюдно и весело.

Отец ее был коммунистом с дореволюционным стажем. В тридцатых годах работал колхозным бригадиром в своем селе. Несколько позже стал председателем колхоза, а затем и председателем сельского Совета.

Шура после семи классов окончила двухгодичную школу медсестер и была направлена в хирургическое отделение районной больницы. Нравилась ей эта работа. Только очень хотелось еще научиться водить автомашину. Мечтала доставлять на ней боеприпасы на передовую и перевозить раненых с поля боя в медсанбат или госпиталь.

На вопрос Шуры, как я оказалась здесь, коротко не ответить. Хотела стать детским врачом, да окончить успела только семилетку. Наверное, выросла, что все чаще задумывалась о трудностях в семье. На шесть человек был один работник — отец.

Решила пойти поработать, чтобы потом продолжить учебу. С большим трудом уговорила на это родителей.

Вот так и стала регистратором-статистиком в медпункте заводского рабочего поселка.

Научилась не только составлять отчеты, но и делать перевязки, уколы, прививать оспу. А зная латынь, нетрудно было научиться выписывать рецепты.

И вдруг война!

Решила: пойду на фронт. Здесь и без меня обойдутся.

Но не так скоро и просто осуществилась мечта. Написала первое заявление и отнесла в военкомат в начале сорок второго года.

— Пока не требуется, — ответил военный.

Некоторое время спустя вновь напомнила о себе.

Окошечко, куда подавала заявление, было расположено высоко. Приспособлено не для таких, как я. Потому каждый

раз подтягивалась на цыпочки, чтобы повыше казаться военному. А он все равно приподнимался с места, чтобы посмотреть на меня, и с улыбкой отвечал: «Пока не требуется». Да так бесконечно.

В последний раз я не выдержала:

— Каждый день отправляете на фронт, а мне все отвечаете, что не требуется, — и заплакала.

— Ух ты! Зайди-ка сюда.

Зашла. В кабинете сидело человек пять военных.

— Посмотрите на нее, на фронт собралась, — сказал сидящий у окошечка.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Когда исполнится?

— Уже исполнилось.

— Неужели? А я бы сказал, что ты учишься еще в третьем-четвертом классе. Что же ты, на фронт собираешься, а растешь плохо? Что думаешь делать на войне?

— Раненых перевязывать.

— Документ есть о том, что медсестрой работаешь?

— Нет.

— Вот видишь, документа нет, и лет мало, и рост неподходящий. Так что советуем тебе еще подрасти и подучиться...

От слез не видела дороги. Злилась на свой рост и на военных, которые смеялись надо мной. С отчаянием думала: что же теперь делать?!

Несколько дней спустя, проходя мимо кинотеатра, рядом с афишей, извещающей о демонстрации кинофильма «Веселые ребята», увидела яркое объявление. Верить или не верить написанному? Там говорилось, что идет набор на краткосрочные курсы медсестер. Еще раз прочла. Зашла и написала заявление. Приняли. Теперь-то у меня будет документ!

Война разгоралась, а в нашем далеком от фронта уральском поселке жизнь текла своим чередом. Нет, пожалуй, не текла, а кипела, бурлила.

Эшелонами прибывали эвакуированные из юго-западных областей, испытавшие ужасы войны. Многие из них лишились крова, потеряли при бомбежках и обстрелах в пути своих детей, родных и близких. Прибывающие расквартировывались почти в каждую семью жителей поселка на совместную площадь. Хозяева, сочувствуя, принимали пострадавших, помогали, чем могли, хотя и сами с началом войны жили скудно. Население поселка увеличилось больше чем втрое. Стало гораздо шумней, оживленней, чем в недавнее мирное время.

Всяческие неудобства, теснота, жизненные недостатки сдружили людей — хозяев и квартирантов, и у них все стало общим. В том числе радости и печали.

Вместе проводили воевать комсомольцев-добровольцев. Вместе горевали, когда почтальон кому-то приносил «похоронку». Радовались каждому письму, пришедшему с фронта, или когда у кого-то из эвакуированных объявлялся потерявшийся в дороге член семьи.

Меня перевели на ставку медицинской сестры, хотя я еще не имела соответствующего образования. Сидела с врачами — детским и взрослым на приемах, аккуратно выполняла все, что на меня возлагалось, но постоянно думала: все равно уйду на фронт! Решение свое держала втайне.

...Итак, все позади.

Получив положенные документы, в тот же день отправилась в военкомат. Подала в окошечко знакомому военному и спрашиваю:

— Теперь сколько ждать еще придется?

— Вот так история! — удивился он. — Теперь-то, пожалуй, скоро вызовем.

Повестка пришла через день — восьмого марта сорок третьего года. Моя старшая сестра Нина, с которой я вместе жила, заметив необычно приподнятое настроение, недоуменно произнесла:

— Чему ты радуешься? Это же повестка!

Она за эти годы второй раз проводила мужа на войну.

— В том-то и дело, Ниночка, что эту повестку я ждала целый год.

— Глупая, что ты наделала?! — всполошилась она...

— Вот такая история, Шурочка.

— Да, настойчивая ты. Работала, училась — шло время, а ты не изменила своему решению...

Поезд остановился на небольшой станции. В надежде на то, что здесь долго не задержимся, все оставались на местах. Но несколько минут спустя услышали голос начальника, подошедшего к вагону:

— Хватит бездельничать! Выноси вещи из вагонов, грузи на машины, да поживее!

Это была станция Чернянка Курской области.

Разгрузку закончили далеко за полночь. Вначале отправили госпитальное имущество. Потом машины вернулись за людьми. В кромешной тьме, в каком-то селе остановились и высадились.

— Получите сухой ужин, перекусите и скорей на отдых, — распорядился старшина.

Захватив во дворе по охапке соломы, мы идем по длинному коридору двухэтажного здания, оказавшегося школой, угол крыши которого с частью верхнего этажа снесены рядом. Свободным оказался как раз угловой класс, где зияла дыра в небо, через которую видны были звезды.

— Что ж, неплохо устроились. Свежий воздух и тэ дэ, — одобрила Шура.

— А что будем делать, если дождь пойдет? — забеспокоилась Маша Гуляева.

— Начнем потихоньку растворяться, — шучу я.

— Девчонки, хватит болтать. Жуйте побыстрее свой сухой ужин и молчок. Скоро подъем, — напомнила старшая.

Но мы продолжали шептаться и разглядывать звезды. «Определили», что они находятся в таком же расположении, как дома, на Урале. И Большая Медведица и Малая... Уста-

лость взяла верх. Скрылась зияющая дыра, звезды и весь мир...

— На завтрак, на завтрак! — покрикивала шеф-повар Лида Богомолова.

Подхватив свои котелки, мы отправились в «столовую», просторную на весь школьный двор, под крышей во все огромное небо.

Лида-повар, молодая видная женщина, «колдовала» около двух больших котлов походной кухни, откуда тянуло чем-то очень вкусным. Но там оказались всего лишь знакомая пшенная каша с кусочками сала да неизменный по утрам чай, обеспечивающий бодрость духа. Значит, просто-напросто мы очень проголодались.

Подогнув ноги, поставив котелки на колени, любители добавок расселись на поляне, поближе к кухне, а точнее к поварихе, которая доказывала, что вприкуску с шуткою вкуснее каша и слаще чай. Другие сидели на жердочках изгороди, обхватив колышки, чтобы не свалиться во время работы ложкой. Третьи — стоя на ногах, опорожняли свои котелки.

Нам с Шурой в один котелок Лида отмерила две порции каши, в другой — чаю и мы отчалили на поиски места, где бы поудобней устроиться да с аппетитом позавтракать.

С любопытством осмотрелись вокруг, не имея возможности сделать это по прибытии темно-черной украинской ночью.

До освобождения села школа была занята фашистами под солдатские казармы. Школьный двор обнесен колючей проволокой. Нежная весенняя травка помята. Растоптаны и превращены в свалку мусора клумбы, перегажены грядки. Повсюду валяются ржавые консервные банки, гильзы от снарядов. И это, называется, здесь жили представители «высшей» расы, считающие себя сверхчеловеками! Люди, которые, как нам было известно, отличались исключительной опрятностью и высокой культурой. Мы же увидели обратное — резкую противоположность. Вот и думаю, что культурный, уважающий себя человек не станет пакостить себе под ноги, пусть даже в чужом владении.

Вдобавок к беспорядку, в столь мирный двор, принадлежавший беззаботной детворе, ворвался вражеский танк. «Сунул свое длинное рыло в чужой огород», да так и замер с развороченными гусеницами.

Девчата, облепив танк со всех сторон, сидели и уже постукивали ложками о котелки. Тоже мне — нашли место! Я поморщилась.

— Да ты не бойся его, Любаша, не брезгуй, — заметила Люся, — фашистская грязь с него уже смыта дождями. Вон какой чистенький — блестит! Устраивайся рядышком с нами.

Других удобств на время обедов для нас не было создано, и мы присоединились к девчатам. И позже это место занимали всегда в благоприятную погоду, а в дождь кормиться уходили в класс с дыркой в небо.

Мы продолжали заниматься строевой, стояли на постах, патрулировали по селу в ночное время. Привыкали к бомбежкам на расстоянии трех километров. Это каждый вечер бомбили ту станцию, на которой мы разгрузились. С наступлением темноты наблюдали за полетом трассирующих пуль — цветочных цепочек, которые летели с разных сторон в одну точку, светящуюся в фокусе прожекторов. Стояла тишина. Но близость фронта вызывала ощущение тревоги.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Советская Армия вела подготовку для нанесения решительного удара по войскам противника в районе Курской дуги. Наши ХППГ-5148 и ХППГ-5149 были направлены в состав 38-й армии.

Первое место дислокации полевого госпиталя вышестоящим командованием было определено в лесу, в двадцати километрах от Обояни.

Здесь, естественно, не было никаких условий для развертывания госпитальных отделений.

Было решено начать строительство подземных помещений. По плану, все основные отделы должны быть укрыты на глу-

бину до полутора-двух метров. Приемное отделение должно было принимать до двухсот человек, а стационар — четыре-ста.

Стены в перевязочно-операционном блоке было запланировано промазать глиной и выбелить, а в палатах-землянках отделать мелким березовым лесом. Полы покрыть деревянными решетчатыми настилами. Все помещения соединить между собой траншеями. Земляные работы завершить в течение двух недель.

Личный состав разбили на бригады, между которыми шло соревнование за быстреее выполнение работ на своих участках.

Подъем с шести перенесли на четыре часа утра. Сократили перерывы на обеды и ужины. Работу продолжали до наступления глубокой темноты.

С первых же часов у большинства девчонок на ладонях вздулись мозоли. Потом они лопались. Ломило руки, болело и ныло все тело, но начатое дело приостанавливать было нельзя. На отдых времени оставалось совсем немного. Да только это не беда! Ничего, что уставали до чертиков, все равно выкраивали часик еще и на свидание с танкистами, чей корпус дислоцировался рядом, всего за километр от стройки.

С вечера, казалось, все были на месте, а после отбоя одна за другой уходили и уходили.

Как-то в поздний час в палатку зашел дежуривший по части лейтенант Крутов. Осветил фонариком и закричал:

— Что такое, где все?

Я очнулась от яркого света, направленного мне в лицо.

— Где все? — повторил начштаба.

Шуры рядом не было. Когда и куда ушла она, где остальные, я не знала.

Утром девчата покатывались от смеха, рассказывая, как уходили и как возвращались со свидания. Как кого-то чуть не подстрелил часовой. Но кого — не признались. Темная ночь выручила влюбленных.

Наконец, самая тяжелая, трудоемкая работа была позади. Сегодня, по распоряжению старшины, мы с Шурой едем в лес на заготовку строительного материала.

Палило солнце. В гимнастерках при физической работе становилось невыносимо жарко. Мы попросили разрешения переодеться в одежду, прихваченную из дому. Это были нарядные легкие платья. У Шуры голубое с мелкими желтыми цветочками, у меня — белое с красными маками.

Посмотрел старшина, покачал головой и говорит:

— Эх, девочки, в театр бы вам в этих платьях, а не в лес за дровами. Да, видно, ничего не поделаешь. Вернетесь после победы домой, еще красивее сошьете.

Шура, как заправский лесоруб, ловко подхватила топор, пилу и, уложив их в телегу, уселась рядом со мной.

— Но-о, пошла, дорогуша! — натянула вожжи.

И дорогуша-лошадка повезла нас в лес.

Остановились среди молодых берез. Стоят они, тоненькие, стройненькие, как девушки в белых нарядах на выпускном балу. Подошла Шура, погладила одну, другую и с досадой произнесла:

— Как жаль губить такую красоту! Когда я училась, у школы посадила вот такую же тоненькую березку. Только одну. А спилить сейчас придется без счету. Вернусь домой, насажу много, много.

Прижалась щекой, задумалась, загрустила. В таком настроении я ее видела впервые.

— Перестань расстраиваться. Не мы виноваты, а фашисты. Лучше послушай, как птички поют, заливаются. Посмотри, как хорошо вокруг! Словно никакой войны нет и не было. А мы с тобой в этих платьях будто цивилизные барышни на прогулке.

— Хороша прогулочка!

— Ой, мы, кажется, забыли зачем приехали. Строители ждали нас, наверное.

Спиливали березки, очищали их от сучьев, укладывали на телегу, связывали воз веревкой и подвозили к месту стройки.

Другая бригада сколачивала решетки для земляного пола, третья — взамен кроватей, которых было маловато, плела из лозы маты, чтобы уложить их потом на козлы, вбитые в землю.

Последней, тоже необычной для нас работой, занялись сейчас все — от врачей до штабных работников. Конечно же, не была в стороне и Люся-парикмахерша.

Люся Гузенко, высокая, стройная, милая девушка, отличалась безмерно жизнерадостным характером. Своих клиентов она встречала обворожительной улыбкой. Пока брила и стригла, безумолку щебетала. Умела так забавно рассказывать всякие были и небылицы, что слушатели хватались за животы от неудержимого смеха. Она в шутку называла себя самой важной фигурой в части.

На вид нежная, хрупкая, Люся оказалась на редкость выносливой, неунывающей, несмотря на то, что и у нее с рук не сходили мозоли. А сейчас они лозой были ободраны до крови.

— Это тебе не бритву держать! — подшучивали над ней.

А вот еще одна нелегкая работа. О, она хорошо знакома комсorghу Оксане и ее подругам. Они знают, как строят хаты.

Нужно было месить глину, чтобы промазать стены подготовленных землянок, а потом их выбелить. Месили руками и ногами. У всех, кто занимался этим трудом, появлялись цыпки. Все старались, спешили. Не было среди нас лодырей, нытиков, а были отличные работники, добрые и хорошие товарищи.

Замполит Таран частенько подбадривал нас, помогал, взявшись то за лопату, то за носилки. Конечно, у такого богатыря сил — не то, что у нас. Казалось даже, что капитан жалел нас, сочувствовал в том, что тяжеленько достается. Только майор Темкин пока не проявлял особого сочувствия к личному составу. Не таким уж добрым оказался, как определили вначале. Был требователен, строг. Частенько произносил свои излюбленные слова: «Не на курорт приехали, пошевеливайтесь!» Но подгонять не надо было никого. Все знали,

что в любую минуту могут начаться бои. Значит, были заинтересованы в скорейшем окончании всех дел. И спешили.

А вокруг нас шла подготовка к решающему удару по врагу. С наступлением темноты в район предстоящих боев подтягивались воинские подразделения, автомашины с боеприпасами, колонны танков и другая военная техника. С активной помощью жителей прифронтовых мест рылись траншеи, противотанковые рвы, создавались оборонительные укрепления. Все производилось с соблюдением осторожности и маскировки, потому что днями постоянно летали немецкие самолеты-разведчики.

Наконец, строительство подземного госпиталя было завершено. Уложились в срок. Подводя итоги соревнования, замполит сказал:

— Молодцы, девочки! Прямо скажу: нет среди нас побежденных в этом соревновании. На «отлично» выдержали нелегкое испытание. А теперь готовьтесь к новым трудностям...

В последнюю тихую ночь я стояла на посту. Вслушивалась в покой леса, вглядывалась в укутывающую меня темноту. У нас, на Урале, летом ночи короткие. Почти их нет. Чуть стемнеет, как на востоке уже начинается рассвет. Здесь же во всю длинную ночь — тьма непроглядная!

Становилось прохладнее. Чтобы согреться, обхожу вокруг палаток, где размещены продовольственный и вещевой склады. Эти палатки стоят под горой, в стороне от всех других. Винтовку держу «наготове». «Не на курорте» все же, усмехаюсь себе. Слух и зрение напряжены до предела. Малейший шорох настораживает. А в лесу их столько! Скорей бы подъем.

Вдруг по лесу разнесся грохот. Что такое? Ага, это танк наших соседей, двинувшийся с места, нарушил чуткую тишину ночи.

Минуто-две спустя за ним последовал другой, затем третий... Лес наполнился сплошным грохотом. И я поняла, что настал час главного события, к чему мы готовились, чего ждали с необъяснимым душевным трепетом.

Было слышно, как головной танк, выйдя на большак, направился в сторону Обояни, а за ним следом, с небольшими интервалами, все шли и шли другие. Какая грозная сила!

Не затих еще грохот танков, как воздух потряс гул орудий. Это было то, что называется канонадой, или артиллерийской подготовкой перед наступлением.

Били уже не зенитки, которых мы наслушались вдоволь, к которым «привыкли». Теперь гремело так, что содрогалась земля и воздушное пространство превратилось в звуковой хаос.

С началом боев сразу же стали поступать и раненые. Да в таком количестве, что можно было и растеряться. Через несколько часов все подготовленные помещения были уже заполнены. Пришлось развешивать палатки. Остро почувствовался недостаток в обслуживающем персонале. Не хватало санитаров, чтобы перенести пострадавших с машин в приемное отделение. Сапожники, плотники, начфин Крутов — все взялись за носилки.

Люди прибывали и прибывали. Кто-то ранен в руку, кто — в ногу, кто задыхался от проникающего ранения в легкие. Кто-то лежал молча, без движения — без сознания, а кто стонал, страдая от невыносимой боли. И хотелось поскорей помочь каждому.

Сутки и вторые не выходят из операционной и перевязочной врачи и сестры и все же не могут своевременно оказать помощь всем раненым. Их поступает во много раз больше, чем успевают за это время перевязать или прооперировать сотрудники госпиталя.

Ведущий хирург Б. Д. Окс вызвал меня в операционную, где тоже не хватало работников. Операции шли пока только на двух столах. За первым оперировала Чигогидзе. Помогала ей Миля Бойкова.

У второго стерильного стояла Шура Гладких. Оперировали капитан Окс и Ирина Васильевна Кабакова. Она — молодой врач, пришедшая только с институтской скамьи. Работу начинала под руководством ведущего хирурга.

— Займи место наркотизатора, — говорит мне капитан Окс, смазывая йодом операционное поле на бедре больного.

Целый день даю наркоз. Это я делаю впервые. Потому беспокоюсь, не дать бы человеку эфира больше, чем положено. Заметила, что чуть сбавишь дозу, как больной начинает просыпаться. Значит, надо понемногу добавлять почти до конца операции.

— Хорошо даешь наркоз, наверное, опыт большой имеешь? — поинтересовался ведущий.

— Первый день провожу опыты, доктор.

— Тогда молодчина!

Капитан Окс — выше среднего роста, крепкого телосложения, с большими сильными руками. На вид кажется чересчур серьезным и даже сердитым человеком. Мы с девушками его стеснялись и почему-то побаивались. Только сейчас узнаю, что он вовсе не сердитый и не страшный. Очень даже простой и веселый. Шутит и подбадривает всех, чтобы не уснули. Особенно Ирину Васильевну, чтобы она крепче держала в руках скальпель. Подсказывал и помогал ей во время операции. И, смеясь, рассказал даже о том, как девчонки «расшифровали» его фамилию и теперь называют «отделом капитального строительства». А мы думали, что он об этом не знает. Интересно, кто ему мог сказать?

Чуть успели закончить операцию — удалить большущий осколок, застрявший в ягодице, как занесли бойца с проникающим ранением в грудную клетку. Он в тяжелом, критическом состоянии. Задыхается. Воздух со свистом проходит через рану в легком.

Теперь за скальпель берется ведущий, а Ирина Васильевна становится его ассистентом.

Операция таким больным проводится под местным наркозом. Ткани вокруг раны обезболивают, обкалывают новокаином.

Человек задыхается. Надо спешно ушить рану. Но это не просто сделать. Чтобы добраться до легкого, прежде нужно «скусить» ребро, а может, и два. Время идет. Хирург плотно

закрывает рану стерильной марлевой салфеткой и просит подышать:

— Отдохни, голубчик.

И снова работает. Уже на легком. Вместе с раненым задышались все, кто здесь присутствует. Всем трудно дышать.

Временами у оперируемого начинают синеть ногти рук и ног от недостатка поступающего через легкие кислорода. За этим надо постоянно следить. Тогда хирург снова скажет, закрыв отверстие в легком:

— Еще подыши, дорогой мой. Теперь уже недолго терпеть осталось.

И все облегченно вздохнули, когда закончилась операция.

Прошла неделя напряженного труда. Нагрузка оказалась слишком тяжелой для неопытного и немногочисленного коллектива госпиталя. Весь личный состав работал по двое-трое суток, не покидая своих постов. Кто не выдерживал, уходили всего на два-три часа, чтобы чуть передохнуть, и снова возвращались на рабочее место. Требовательный и скупой на похвалу майор Тёмкин и тот высказал свое восхищение.

Это была настоящая боевая страда для молодого коллектива. За эти дни я не раз вспоминала свою работу в тылу и думала о том, что, конечно же, я здесь нужнее.

Линия боевых действий передвинулась вперед, и поступление раненых резко сократилось. Нам срочно предстояло свернуть свое хозяйство и двинуться вслед за наступающими войсками.

Машин мало. Всего две. И потому, пока они перевозят имущество на новое место работы, медперсонал пойдет на помощь коллективу ХППГ-5149, который теперь был впереди нас и тоже оказался в затруднительном положении в связи с большим поступлением раненых.

Врачи и сестры, перекинув за спину вещевые мешки, отправились в путь пешком. С утра день был ясным, но через несколько километров пути небо нахмурилось. Пошел мелкий затяжной дождь. К вечеру дороги были размыты и размешаны в жидкую кашу военным транспортом.

Одежда на нас промокла. Ботинки наполнились грязной жижей, и в них хлюпало. Проходящие машины то и дело обдавали нас с головы до ног грязными брызгами. Все были серьезны и задумчивы. По такой дороге быстро устали и вдобавок некоторые намозолили ноги. Пришлось нам сбавить ход.

Когда стемнело, вообще невозможно стало идти. Мы то и дело сбивались с тропы и проваливались в грязь по колено, не зная, куда отвернуть от машин, идущих без света прямо на нас.

Первый поход оказался не из приятных. Шли и сочувствовали бойцам-пехотинцам, которые постоянно, в любую погоду, находятся в окопах или переходах. Вот где требуется запас терпения и выносливости!

С приближением к линии фронта усиливался артиллерийский гул, разгоралось зарево. Небо становилось кроваво-красным от пожаров и постоянных вспышек зарниц. Мне казалось, что подошли уже очень близко к переднему краю, а тянуло еще ближе. Так хотелось заглянуть — что же там происходит?..

Госпиталь был переполнен ранеными. Сбросив промокшие гимнастерки, чуть отмывшись от грязи и наскоро перекусив, мы приступили к работе.

В операционной, развернутой в полуразрушенном здании, группа медиков словно бы не замечала того, что происходило за стенами дома. Здесь перевязки и операции шли на восьми столах. Готовясь к пятиминутному сну, «раз-два-три...» считает раненый. Другой, просыпаясь, но еще находясь под действием наркоза, почему-то бранится и плачет, а третий — поет песни...

То тут, то там стучат о маленькие эмалированные лоточки только что удаленные из ран осколки и пули. Очнувшись от наркоза, раненые забирают их на память, называя сувенирами или трофеями. Некоторые из фронтовиков с первых дней войны уже не раз побывали в госпиталях и теперь хвастаются коллекцией таких сувениров.

В предоперационной одновременно перевязываются десятки людей с более легкими ранениями, кто может самостоятельно передвигаться и сидеть.

Большинство ран обрабатывается не простой перевязкой, а при помощи скальпеля. Обрезаются загрязненные и рваные края, чтобы скорее заживали. Рассекаются маленькие отверстия, где сидят осколки или пули. Эти операции проводятся под общим наркозом. Эфира дается совсем немного, чтобы человек не чувствовал боли, пока ему производится эта несложная процедура.

Для ясности нужно сказать, что в полевых госпиталях никакие раны — ни малые, ни большие и даже культы после ампутации конечностей — не зашивались. Все ранения считались загрязненными и после ушивания давали бы больше осложнений. Порой вместе с пулей или осколком глубоко в мышцы проникали большие клочки ваты от телогрейки или стеганых брюк — значит, рана не могла остаться чистой.

Первое время жутковато было снимать бинты, пропитанные кровью. Старалась все делать осторожно, чтобы не причинить боль, которая как будто передавалась мне. Мучительно жаль было каждого человека, еще несколько часов назад здорового и только что вышедшего из боя раненым, покалеченным, изуродованным. Понимая мои щадящие действия, сами пострадавшие подбадривали:

— Ничего, сестричка, смелее. Остались живы, а это перетерпим.

Нельзя было не удивляться, как и что они только не терпели, сжав кулаки, скрипя зубами, теряя сознание.

Иной раз откроешь рану, а потревоженные сосудики забьют фонтанчиками тебе в лицо, на халат.

Некоторым воинам перевязка сделана на поле боя. Использован индивидуальный пакет. А некоторым — в медсанбате, который расположен впереди полевого госпиталя. Там, кроме экстренной помощи, на каждого заполняют маленькие медицинские карточки, где описывается характер ранения и оказанная им помощь. С тяжелыми ранениями, угрожающи-

ми кровотечениями, нуждающимся в неотложной помощи, на таких карточках значится красная полоса по диагонали. И при поступлении в полевой госпиталь сразу видно, что человека без задержки нужно отправить на операционный стол. Это со жгутом, который больше двух часов держать нельзя: наступает омертвление тканей. Обязательно указывается время его наложения. Человеку со жгутом мучительно терпеть и ждать, когда он избавится от сжимающей, до неприятной боли, резиновой трубки. Однако приходилось терпеть. Потому что здесь не маленькие фонтанчики, а кровь била из крупных сосудов, угрожая жизни.

Без промедления идут на операционный стол с проникающими ранениями в грудь, живот, череп.

Все это и многое другое я узнала, казалось, в течение одного длинного дня, а на самом деле прошли сутки и вторые, а мы продолжали работать, забывая поесть. Отдых же вообще казался невыносимым. Как можно было уйти, когда сотни людей ожидали нашей помощи! Так и ходили мы с куском хлеба в кармане халата.

Порой линия фронта словно бы приближалась к нам. Звуки пулеметной стрельбы сливались с непрерывным грохотом орудий.

Вдруг к привычному гулу присоединился какой-то еще. Над нами завывали и с душераздирающим свистом начали проноситься самолеты.

— Воздушный бой идет, — пояснил раненый, которого я перевязывала.

Самолеты то и дело один за другим пикировали над домом, и казалось, что вот-вот врежутся в операционную. Временами от этого невыносимого свиста хотелось запрятаться куда-нибудь, как в детстве, хотя бы под стол, на котором лежал больной. Это было самое близкое «укрытие».

— Ура! — радостно закричали под окном ребятишки, наблюдавшие за воздушным боем.

Подбежав к открытому окну перевязочной, чтобы обрадовать и нас, они в несколько голосов сообщали:

— Загорелся, загорелся немецкий!

А босоногий мальчуган лет четырех, еле выговаривая слова, ругался:

— Так вам и надо, фашисты проклятые!

Ах, эта детвора! Ничего-то они не боятся. Из глубокого тыла бегут на фронт. Эвакуированные из прифронтовых мест, с нетерпением ждут отступления немцев и возвращаются по домам чуть ли не первыми, хотя находиться там еще небезопасно. Поблизости идут бои. А эти пережили оккупацию. Всего повидали, и теперь им никто не страшен. Любопытство заставляет их быть всюду первыми. Увидеть и узнать о происходящих событиях раньше и больше, чем взрослым.

...Уже глубокая ночь. В операционной светло. Над каждым столом висит и светит яркая электрическая лампочка. Ток она получает от движка, установленного на машине, в нескольких метрах от операционной. Окс заканчивает обработку раны последнему бойцу. Удивляемся: почему не подвезли раненых из приемного отделения?

— Пойдемте подышим свежим воздухом, — предложил капитан. — И ты, деточка (так звал он меня), сколько уже работаешь и все на ногах. Смотри, не упади. Пошли.

Садимся на аптечные ящики, составленные вдоль стен, при входе в здание. Ноги гудят. Во время работы не присядешь.

— Ну как, здорово устала? — спросил Окс.

— Не-ет.

— Правильно. Не надо признаваться. Так говоришь, до этого с наркозом не работала?

— Нет. Раньше не приходилось.

— Нравится?

— Нравится. Только все думаю, что надо на себе испытать наркоз. Узнать, что чувствуют в это время больные.

— Ну, это совсем не обязательно.

— Любопытство разбирает, товарищ капитан. Вообще считаю, что медикам многое надо испытывать на себе.

Ведущий смеется над моими доказательствами, спорит.

Заметили, что канонада стала доноситься глуше. Значит,

наши погнали врага... Ночь сегодня светлая, с полной луной. В низинке, на лугу, течет то ли ручей, то ли маленькая речушка, поблескивая при свете луны. Днем здесь очень красиво. Как большой зеленый ковер, раскинулись луга с душистой травой и цветами, больше желтыми. А дальше — леса, леса...

Прибыл санитар из приемного отделения. Сообщил, что раненых кормят ужином, потому и создавалась для нас передышка. Обрадовал тем, что поступление сократилось. Это значит, может, завтра же отправимся вперед.

Время шло к рассвету. Луга покрылись молочной пеленой, которая начала подниматься кверху, к операционной.

Привезли раненых.

В САНПОЕЗДЕ

Далеко позади осталась Курская дуга. Коллектив госпиталя продолжает шагать по фронтовым дорогам. Сейчас нам предоставлена передышка, но отдыхать будут не все. Шура и Миля Бойкова, Оксана, Валя Лашук и я поедem в ХППГ-4345, в распоряжение подполковника Ерофеева. Будем сопровождать раненых.

Во время боев раненые поступали непрерывно. Порой в течение суток принимали по несколько сот, до тысячи человек. Естественно, не всегда позволяли условия разместить такое количество пострадавших, и потому нужно было так же постоянно освобождать места для прибывающих — эвакуировать в тыловые госпитали тех, кому уже оказана помощь.

Эвакуацией раненых в тыл занимались специальные ГОПЭПы — головные полевые эвакупункты, которые располагались вблизи железнодорожных станций, где формировались санитарные поезда и куда направлялись раненые со всех армейских госпиталей.

А если какой-то из полевых оказывался рядом с железной дорогой, то он сам формировал санлетучки. С одной стороны это было хорошо. Сокращались пути и время для отпра-

ки раненых, а с другой — плохо, тревожно, потому что почти все станции подвергались бомбардировкам.

Фашисты не признавали флаги и знаки с красным крестом на зданиях, которые должны были щадить по международным законам и условиям. Они одинаково расправлялись и со здоровыми, и с ранеными, и с медперсоналом — что на земле, что с воздуха.

Госпиталь, куда мы прибыли, находился на станции Бровары, под Киевом. Оказалось, что на сей раз ХППГ-4345 выполнял обязанности головного эвакуационного пункта и занимался формированием санпоездов.

— А, старые знакомые прибыли! — весело встретил нас во дворе подполковник Ерофеев. — Ну, девчата, с ходу получите ответственное задание: поможете погрузить на санлесточку раненых, а потом поедете сопровождать их в тыл. Определенного адреса не даю. Где примут, там и оставите.

Станция находилась в километре от госпиталя. Тут было оживленно, шумно. Раздавались стоны раненых, фыркание машин, покрикивание шоферов, которые просили освободить дорогу. Стоял состав с товарными вагонами, оборудованными нарами.

Машины, на которых мы прибыли, подошли задним бортом вплотную к вагону, и мы с Шурой, взявшись за носилки, стали переносить и перекладывать больных на разостланную солому.

Машины шли и шли. Мы переходили из вагона в вагон и снова брались за носилки. На ладонях вздулись мозоли. Руки натянуло так, что порой казалось, не удержишь больного.

Иной раненый скажет:

— Дочка, я очень тяжелый. Тебе не поднять. Попроси кого-нибудь помочь.

— Ну что вы, я сильная. Справлюсь.

Тут подвезли людей на подводах. Еще трудней стало снимать носилки с телеги и поднимать их до уровня пола вагона, выше своего плеча. Вспомнились слова мамы: «Побереги себя». А как?

— Сестра, что вы делаете?! Неужели для такой работы в госпитале нет мужчин? — возмутился раненый.

А подошедший начальник санлетучки капитан Михайлов подгоняет:

— Побыстрей, девчата! Надо успеть отправить эшелон, пока не появились вражеские самолеты.

Закончив с погрузкой, распределились по вагонам, которых досталось по семь на каждую. Получив инструктаж, советы и наставления начальника эшелона, мы отправились по своим владениям.

Люди лежали на полу, справа и слева, и также вверху — на нарах. Внизу потяжелее — большинство ранены в нижние конечности, с шинами, а вверху — полегче в том смысле, что могут самостоятельно спуститься и ходить.

Обошли все вагоны — познакомилась. Договорились без шума ждать прихода сестры или санитаря.

На остановках, проходя мимо вагонов, спрашиваю, все ли тут в порядке, отвечают:

— Полный беспорядок — соскучились. Посидите с нами, сестренка.

Когда поезд шел, наблюдались оживленные разговоры, шутки. Чуть задерживался на остановках, как начиналось беспокойство, расспросы «почему не отправляют?». Иногда улавливала приближающийся заунывный гул вражеского самолета и спешила в двадцать седьмой, где лежали больные потяжелее состоянием. Не давая им навести ухо на звук, плотно закрывала двери и заговаривала:

— Чего приуныли? Может, споем — поезд скорей тронется.

— Споем, сестричка, с удовольствием, — ответили, как это было в первый раз, и кто-то из них запел приятным баритоном:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

И грянул хор, от красоты которого у меня мурашки по спине побежали. Я сидела на полу, прислонившись к стенке вагона, и слушала. Охватило волнение, и навернулись слезы.

И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Я думала об этих людях, отважных фронтовиках, которые в настоящий момент были беспомощны. Они потому и прислушивались, не летит ли фашистский бомбардировщик. Ведь жить так хочется! А песня сейчас для них кстати, как отвлекающее средство.

Я радовалась тому, что нашла выход из затруднительного положения. Нашла связь с людьми, подружилась с ними, и песня поможет нам коротать дорожное время.

Ближе к фронту, на расстоянии от двух до пяти суток езды, все госпитали были переполнены, и нам советовали:

— Везите дальше. Вы же на колесах.

Санлетучка уходила глубже в тыл, и снова выручала песня.

...Паровоз резко затормозил. Шли восьмье сутки пути со дня нашего отправления, когда поезд прибыл на станцию Тамбов. Здесь наш эшелон уже встречали сотрудники местных госпиталей и представители городских общественных организаций. Было подано множество санитарных и грузовых автомашин...

Закончив с процедурой передачи раненых, капитан Михайлов покинул нас, приказав всем оставаться в штабном вагоне, где будут находиться медикаменты и все госпитальное имущество. Сказал, что вагон попутными эшелонами будет доставлен к месту назначения, в Бровары.

УРА, КИЕВ СВОБОДЕН!

Вот и Бровары. Привычная фронтовая обстановка. Бои идут за Днепр.

Валя Лащук, старшая по группе, доложила подполковнику Ерофееву о выполнении задания, рассказав и о дорожных приключениях.

— Огромное спасибо, девочки, за помощь. Сегодня отдыхайте, а завтра отправляйтесь к своим.

...Проснулись от свиста бомбы. Раздался взрыв, второй... С потолка сыпался мусор. Пыль залепила глаза.

— Никакого покоя, — ворчит Шура, устраиваясь поудобней.

Самолет снова делает разворот, и опять засвистели бомбы.

— Девчонки, выйдем, пожалуй. Дом разнесет — не выберемся. Я в ответе за вас все же, — произносит Валя.

Во дворе оказалось множество народу. Все о чем-то оживленно говорили, что-то обсуждали, посматривая на дорогу, ведущую на Киев, на небо и зарево над лесом, туда, откуда доносился непрерывный гул орудий.

Мы удивились тому, как светло стало на улице, несмотря на поздний час, словно над нами повесили светильник, хотя и тускловатый, но огромной величины.

Из разговора поняли, что наши войска форсировали Днепр, что бои идут за Киев, что он обьят огнем, потому горит и небо, потому светло и на земле.

От напряженной обстановки, от возбужденного поведения людей пробивала дрожь, одолевали слезы. Боже мой, сколько же там сейчас лежит раненых! А сколько погибших! Да когда же все это кончится — и бой за Киев, и вообще война?!

Неожиданно из-за леса вынырнула машина, на крыле которой стоял человек.

— Ре-бя-та-а! Киев освободили! — радостно закричал он, на ходу спрыгивая с подножки.

— Ура, ура! — раздалось со всех сторон.

Машина остановилась, и ее тут же окружили, осыпая вопросами сидящих в ней людей. Раненый с перевязанной рукой плакал навзрыд.

— Ну что ты, друг, радоваться надо. Скорее своих навестишь. В Киеве у него семья в оккупации оставалась, — пояснил успокаивающий, должно быть, сосед по госпитальной койке. В это время прибывшие наперебой рассказывали о форсировании Днепра, о штурме города, о том, что фашисты при отступлении все уничтожают и жгут, беспощадно грабят и убивают жителей...

Хозяйство Тёмкина оказалось в местечке Бобрик. А четыре дня спустя машины, груженные госпитальным имуществом, приближались к Днепру.

Бесконечным потоком медленно продвигается военная техника, танки, пехота, за много километров выстроившись в ожидании очереди на переправу через Днепр. Каких родов войск здесь только не было! Все спешат за Днепр, теперь уже за Киев, на Житомирское направление, где продолжают бои.

С замиранием сердца смотрим на «Днепр широкий». Вот ты какой! Нелегко было войскам преодолевать твои воды под огнем противника. Говорят, что во время форсирования кипела, пенилась вода от шквального огня со стороны вражеской обороны. Словно и до сих пор еще не успокоилась река. Казалась хмурой и злой. Холодные серые волны то и дело перекатывались по ее поверхности, заплескиваясь под колеса машин, проходящих как по шучьему велению развернувшемуся понтонному мосту.

Мы увидели город разрушенным, с заваленными и непроходимыми улицами. Местами так разбиты были кварталы, словно здесь непрерывно, прямой наводкой били из орудий, чтобы до основания разрушить не только дома, но и на мелкие обломки раздробить каждый кирпич. Таким оказался центр Киева — Крещатик.

Колонна машин остановилась у дома номер сорок четыре по улице Львовской, по соседству с Покровским монастырем. Во дворе, окруженное старыми соснами, стоит большое четырехэтажное здание. Его-то и надо готовить к приему раненых.

Как всегда, в первую очередь для уборки помещений нужна вода. Надо бы и умыться с дороги. Нестерпимо хотелось и пить после сухого обеда. Но город жил без воды, без света и тепла. Решили обратиться к соседям.

Мы с Шурой перешли улицу напротив и постучали в парадную дверь. Открыла маленькая сухонькая старушка лет семидесяти.

— Заходите, доченьки, заходите.

— Бабуся, нет ли у вас воды напиться? Или подскажите, пожалуйста, где ее взять?

— Вода-то у меня есть, да несвежая. Еще при немцах приносила. Перед уходом взорвали водопровод, водокачки.

Тем временем она открыла массивную дверцу старинного буфета с резными украшениями и с большой осторожностью с нижней полки достала наглухо закрытую крышкой литровую стеклянную банку, до половины наполненную водой.

— Вот, доченьки, пейте, — подала нам банку, сняв крышку.

— Бабуся, так у вас воды мало. Оставьте себе. А мы найдем и принесем вам свежей.

— Спасибо. Не беспокойтесь. Теперь без воды не умрем.

Шура взяла банку, поднесла ко рту и отдернула. Передала мне. Из банки шел застойный болотный запах, от которого чуть не стошнило. Пить было невозможно, но мы приложились к банке, задержав дыхание, сделав вид, что смогли во рту.

Бабуся просила посидеть, но мы объяснили, что сейчас некогда. А чуть освободимся, станем навещать. Как только появилась машина с флягами, наполненными водой, мы с Шурой, набрав в два котелка, побежали в дом напротив, к той самой бабуся.

— Не думала, что увижу своих. Не надеялась, что доживу до светлых дней освобождения, — говорила хозяйка, — не ожидала, что в жизни своей еще придется испытать великую радость. Ведь стара я, а пережить пришлось такие муки и страхи. Не дай бог, чтобы когда-нибудь еще повторились такие беды.

Она рассказала нам о том, как погибла ее сестра. А мы, слушая, представляли такую картину.

По обледевшим улицам с большой осторожностью друг за другом передвигались люди. В одном направлении — с порожними кувшинами, чайниками и другими небольшими сосудах, а навстречу — с наполненными водой. Брать ее раз-

решалось не более трех литров. Потому создавалась очередь — непрерывное движение людей.

Дороги залиты. Скользко. Кое-как переставляла ноги старушка, бережно поддерживая кувшин с водой. Забавное зрелище для немецкого офицера! С наглой усмешкой он посмотрел ей вслед. Ему, должно быть, захотелось позабавиться. Вернулся и ударил по дну кувшина. Вода расплескалась, но сосуд остался в цепких руках хозяйки. Фашист, неудовлетворенный, подножкой сбил старуху с ног. Падая, она старалась удержать кувшин с драгоценным содержимым, чтобы хоть сколько-нибудь донести до дому, где ждала больная сестра. Ведь пройдено уже более половины пути.

Но немец, взбешенный, вырвал кувшин и выплеснул из него воду в лицо лежащей. Потом стал яростно пинать, топтать ее сапогами. Натешившись, пошел было прочь, да, словно вспомнив что-то, вернулся и выпустил из пистолета всю обойму в изуродованное и без того уже безжизненное тело старушки.

Мимо шли люди с водой и без воды. Одни смотрели, чтобы запомнить, другие отворачивались, чтобы не видеть зверства, и спешили удалиться, чтобы избежать подобной участи.

Той старушкой была уважаемая учительница, пенсионерка, сестра нашей знакомой бабуся.

— Мы обе учительницы, — рассказывала бабуся. — Сестра помоложе меня. Я ее берегла, чтобы немцы на работу не отправили, — продолжала старушка, — все сама ходила за водой. А тут заболела. Лежала с температурой, в забытьи. Очнулась, позвала сестру — она не ответила. Меня мучала жажда. Просила пить, когда приходила в сознание. Но ко мне никто не подходил. Не знаю, сколько пролежала в бреду. Когда опомнилась, мне показалось, что сестры нет уже давно. Постучала в стенку. Пришли соседки. Выходили меня. А она все не возвращалась. Когда я сама смогла пойти за водой, то встретила приятельницу, которая мне и рассказала о том, как погибла сестра. Даже не похоронила я ее, бедную. Такое горе!

От бабуся мы впервые услышали о страшной трагической истории — массовом расстреле жителей города в Бабьем Яру, где тысячи людей были погребены заживо, где колыхалась и стонала земля от задыхающихся жертв.

Снова лечим и долечиваем, встречаем и провожаем раненых. Передовая фронта отошла далеко, а мы все продолжаем работать в Киеве.

— Сколько еще будем загорать? — с нетерпением спрашиваем начальника.

— А здесь вам не война?!

Это верно. Тоже война. Вражеские самолеты каждую ночь беспокоили жителей города. Несмотря на непрерывный грохот и тревожную обстановку, перед людьми открывалось красивейшее зрелище. Темное небо, словно огромный цирковой купол, расцветивалось яркими радужными цветами трассирующих пуль, летящих в одну точку, к центру.

В новогоднюю ночь вражеские самолеты пытались во что бы то ни стало прорваться к городу, но защита была надежной — ни один не прошел. Тревожные фейерверки войны не помешали нам в относительно спокойной обстановке встретить новый, 1944 год.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Фронтовые дороги ведут нас все дальше. Колонна машин проходит по городам и селам, в большинстве своем значительно пострадавшим от войны. Всюду встречается огромное количество брошенной при отступлении противника боевой техники, автоматов, винтовок, воткнутого штыком в землю.

Когда передовые части, преследуя врага, продвигаются быстро, мы за неделю работы отстаем на сотни километров и догонять приходится поездом. На более короткое расстояние или там, где нет железной дороги, — автотранспортом. Сейчас в госпитальном автопарке находится уже около двух десятков отремонтированных трофейных машин и два автобуса для перевозки людей.

Не испытывали мы удовольствия от переездов в эшелонах. Может, потому, что зачастую сопровождали нас в пути вражеские самолеты. Ведь каждый налет создавал тревожную ситуацию, хотя никого из нас не трясло от страха.

Вот и сейчас, в Киеве, погрузку в эшелон закончили в сумерки, а только успели отъехать за город, как началось преследование вражеским самолетом. Словно бы он тут и висел, ожидая момента отправки.

— Выходи из вагонов! — раздается команда.

Куда бежать? Темно. Повсюду вдоль дорог стояли дощечки со знаком «Заминировано».

— От пули спасешься, — на mine можешь подорваться, — зло ворчит кто-то из мужчин.

И все-таки спешим отойти к лесу. А нам ужасно надоело бегать из вагона и снова в вагон. Мы с Шурой решили не выходить. Будь что будет!

С прибытием на узловую станцию Фастов, слышим, воеет сирена: воздушная тревога! Тут же засвистели бомбы. Люди из вагона разбежались. А мы сидим на полу, на соломе, прижавшись друг к другу. Самолет снова шел в пике...

Кто-то бежал вдоль эшелона и кричал, приостанавливаясь:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

— Есть! — подбежали мы к двери.

— Врачи?

— Нет, медсестры.

— Какого черта здесь делаете? Марш в бомбоубежище!

— Может, лучше вам поможем?

— Нет. Нужны врачи.

Врачей и операционных сестер с нами не было. Они еще утром из Киева выехали машинами в Брусилов. Там требовалась экстренная помощь.

В воздухе опять завыл самолет, снижаясь. Другой в противоположном конце поезда обстреливал скопившиеся эшелоны.

По другую сторону разрушенного вокзала находилось бомбоубежище. Оно было ближе других укрытий, и когда объ-

явили воздушную тревогу, пассажиры близстоящих эшелонов поспешили туда. И надо же было случиться такой беде — упасть первой бомбе в гущу столпившихся у входа людей. Туда-то и должны были спешить врачи. Там нужна помощь десяткам, а может, и сотням пострадавших.

Говорят, что здесь сегодня произошло самое страшное событие за все время войны.

Побежали к месту трагедии и мы.

Здесь раздавались стоны, крики отчаяния, плач людей, проклятия в адрес фашистов.

«Мамочка, родненькая моя, видела бы ты, что здесь происходит!»

Мы с Шурой подхватили носилки, куда только что положили тяжелораненую девушку, и отнесли ее к медпункту, где десятки врачей уже приступили к оказанию помощи. И снова — на место происшествия.

Взяли под руки и повели раненого в ногу лейтенанта. Довели и обратно...

— Темкинцы, по вагонам! Поезд отходит! — услышали голос старшины.

Пришлось спешить к вагону, который находился впереди, далеко за пределами станции.

Долго не могли успокоиться от пережитого кошмара. А под утро на одной из станций состав снова задержали.

— Дальше ехать нельзя. На большом участке разрушены пути.

Эта небольшая станция почему-то не охранялась зенитками. Как рассказывают жители, вражеские самолеты, зная, что им ничего не угрожает, прилетали и нагло носились над головами людей, над эшелонами, чуть ли не касаясь крыш вагонов, и били из пулеметов в упор.

— Выгружайся! — объявил старшина.

Кроме нашего хозяйства, несколько вагонов занимали вещевые склады управления и еще какие-то воинские подразделения. Соседи-спутники свое имущество перекладывали из вагонов прямо на перрон, вдоль железной дороги.

Майор Темкин не последовал их примеру.

— Вон видите лесок? — удивил он вопросом. — Все будем переносить туда.

Лесок, молодой березник, находился метров за триста. Мы с досадой посмотрели на начальника. Показалось, что он создает нам лишнюю нагрузку.

Только успели переместить имущество в указанное место, как неожиданно из-за леса появились два стервятника и пошли над землей поливать из пулеметов. Потом один из них поднялся и пошел в пике... Полетела бомба...

Мы увидели, как загорелось выгруженное на перрон. Люди пытались погасить огонь, разбросать горящие вещи, но пулеметные очереди не давали им приблизиться...

Мало что удалось спасти от огня, кроме того, несколько человек из наших спутников получили ранения.

Мы же поняли, что напрасно обижались на своего начальника. А он ходил, нервничал и повторял:

— Вот видите, я им советовал — они не послушались...

С нами следовала, погруженная на платформу, только одна автомашина. Темкин, пообещав, что скоро прилетит за нами транспорт, захватил с собой старшину и еще несколько человек, необходимых для организации работы на новом месте, уехал на ней. Мы остались на попечении начфина Крутова.

Эх, дороги, дороги... Фронтовые дороги! Сплошные препятствия, приключения и неожиданности. И ужасно досадно, когда спешешь, а тебя задерживают непредвиденные обстоятельства.

Не идут за нами машины. Уже неделю «загораем» на опушке леса. Вот, наконец, появилась, но только одна, к нашему удивлению.

Мы с Шурой обрадовались. Захватив вещмешки, поспешили занять место в кузове. А приехавшие шоферы — завгар Тимошенко и Сапрыкин — заявили, что, ничего, мол, не выйдет, людей брать не велено, что прибыли только за хозяйственным мылом.

— Как это не велено? — возмутилась Шура. — Мыло нужнее или люди? Там, наверное, задыхаются от работы, а мы тут дурака валяем!

— Раз послали за мылом, значит, нужнее мыло.

— Нет. Вы как хотите, а мы поедem с вами, — заявила Шура и заняла место в кузове...

В деревню Зозулинцы, где расположился наш госпиталь, мы приехали одновременно с фельдшером Николаем Дунаевским.

Обстановка здесь была «веселой», как и предупреждали шоферы. Казалось, совсем близко били орудия, раздавались пулеметные очереди...

— Девушки-дорогуши, никуда не уходите, — такими словами встретил нас старшина Блохин, — чувствуете, что происходит вокруг? Сейчас раненых к станции станем переправлять.

Зашли в штаб. Не успели доложить о прибытии, как услышали распоряжение начальника:

— Гладких и Никулина, приготовьте шприцы, бинты — все, что может понадобиться в дороге для оказания помощи. Пойдете сопровождать раненых. Уже идет погрузка людей на подводы. В помощь себе возьмете Марию Гуляеву, а ответственность возлагается на лейтенанта Дунаевского...

Итак, январскими сумерками сорок четвертого года по ухабистой прифронтовой дороге двинулся санитарный обоз из двадцати шести подвод.

Снегу мало. На санях нельзя. А каково же трястись, лежа на телеге, да еще тяжелораненому. Слышались стоны, брань.

Сопровождавший местный житель-старичок шагал рядом с передней подводой, а я перебегала от повозки к повозке.

— Скоро ли доберемся, сестра? — спрашивали меня.

— Скоро, скоро. Потерпите немного, — успокаивала я, хотя сама не знала, когда настанет это «скоро».

Обоз прибыл в село Юзефовка.

— Вот вам «гостиница», а вот «перина», — сказал сопровождавший, показав на церковь с разбитым куполом и стог соломы во дворе.

Часть подвод остановилась, а остальные, в сопровождении лейтенанта и Шуры, ушли куда-то к школе. Со мной осталась Маша. Мы с ней при свете зарева поспешили осмотреть помещение. Там царил мрак. В маленькие окна, расположенные высоко у потолка, плохо проникал свет — на полу ничего не было видно. Можно было только догадаться, что полно пыли и грязи. Надо как можно больше наносить соломы и разостлать ее по всему полу.

Окружающая обстановка почти не изменилась, и раненые забеспокоились, когда их стали перекладывать на носилки.

— Это что, — ваш тыл?

— Машенька, люди на подводах замерзли. Пошли скорее еще за «перинами».

Не успели переложить с повозок, как прибыли раненые с передовой.

— Куда нас привезли? — возмущались вновь прибывшие. — Почему не отправляете дальше? Где начальник госпиталя?

— Успокойтесь, товарищи. Пока — это наш тыл. Завтра начнем эвакуировать.

— Завтра будет поздно. Скоро враги сюда придут.

— Товарищ больной, без паники, пожалуйста. Не придут сюда враги. Я верю в силу нашей армии.

— Вы меня не успокаивайте и не доказывайте. Я только что был там и потому не хочу оставаться здесь.

— Хотите оставаться или нет, дорогой мой, а придется. Пока что весь госпиталь представляем мы вдвоем вот с этой девушкой Машей. А начальник и все остальные находятся еще ближе к передовой, где не одна тысяча раненых.

Прибывшие с азартом, по-мужски, рассказывали о бое, о положении на переднем крае. Зная об угрожающей обстановке, беспокоились вдвойне, потому что сейчас они были безоружны и беспомощны.

— Ну, смотри, сестрица, на тебя вся надежда. Теперь ты — наше оружие и защита, — высказался один.

Это, конечно, было сказано в шутку, но я задумалась над словами больного, и стало страшновато. Действительно, случись что непредвиденное, что мы с Машей сделаем? А, откровенно говоря, у меня и мысли не зарождалось, чтобы наши не удержали оборону.

— Ничего, ребята, это место святое. Бог милостив и в обиду не даст уже пострадавших, — пошутил один из раненых.

Спасибо шутникам. С этими словами потом встречали всех, кто прибывал и требовал немедленной отправки в тыл.

Все свободные места на полу были заняты. Остались более почетные, возвышенные, такие, как, например, алтарь да сидения, сооружаемые по подстенкам для уставших во время моления. И здесь разложили солому и стали укладывать людей.

Всюду раздавались стоны. Просили подойти.

— Сестра, сделай укол. Нет терпения.

— У меня кровь сочится через повязку.

— Сестра, воздуху не хватает... — звал только что прибывший раненный в грудь.

Нужно спешить на каждый зов. Сделать все возможное, в этих условиях, в потемках.

Раненный в грудную клетку задыхался. Требовалась срочная операция. А тут не только операцию, но и перевязку нельзя было сделать по-настоящему. Наложила давящую повязку, вабинтовала покрепче, да облегчения было мало.

Хотя бы лейтенант пришел. Он где-то Шуре помогает. Она совсем одна...

Ух, какая длинная ночь! Скорей бы наступало утро!

Выбежала за очередной охапкой соломы, и тут же захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть происходившего вокруг. Звуковой кошмар не утихал. Хотя январь стоял на дворе, а снегу было мало, земля казалась черной, а воздух и небо — в огне. А тут еще при вспышке орудийных залпов неподале-

ку высветило группу людей, похожих на вооруженных автоматами. «Может, это фашисты-разведчики. Неужели придут?!» — промелькнуло в голове.

Обхватив руками как можно больше соломы, поспешила к раненым, где темнее и тише. В работе, в столах да спорах окружающая обстановка ощущалась не так остро.

Настолько плотно уложили людей, что ступить ногой, казалось, не было места. А они все прибывали.

Снова перехожу от одного к другому, ощупывая пульс, проверяя повязки — нет ли кровотечения. Делаю уколы — сердечные и обезболивающие. Повыше укладываю раненных в грудь, чтобы легче дышалось, делаю многое другое, что может облегчить страдания людей.

Под утро меньше стало поступать раненых.

— Ну, как там? — с нетерпением спрашивали новичков.

От прибывших последними узнали, что обстановка изменилась к лучшему. Кажется, закрепили линию обороны.

...Раненному в грудь становилось все хуже. Он умирал. Я стояла перед ним на коленях и втихомолку плакала.

— Ну, потерпи, пожалуйста, — умоляла его, — скоро придут врачи, сделают операцию и станет легче.

Прибежал лейтенант. Посмотрел больного. Вместе еще потуже стянули бинты. Но никакая просьба и слезы не помогли дожить бойцу до утра. На рассвете он скончался.

На душе у меня было ужасно тяжело. Досадно. Чувствовала себя виноватой в смерти человека, хотя знала, что спасение можно было найти только в операции. Вышла на крыльцо, чтобы передохнуть и осмотреться. Хорошие вести с передовой да введенный морфий успокоили людей.

Не стало ветра. Рассеялись тучи. Побледнела с рассветом луна. А главное — наступила тишина на переднем крае. Это так было необходимо для всех нас. Но затишье могло взорваться в любую минуту, поэтому за ночь часть больных была перевезена в Юзефовку, где рядом, по территории сахарного завода, проходила железная дорога и представлялась возможность формировать санлечучки.

Обстановка говорила за то, чтобы побыстрее и как можно больше переправить раненых в тыл. С этой работой оперативно справился Николай Дунаевский. За короткое время было сформировано несколько санитарных поездов и большая часть людей была эвакуирована.

В отделениях остались самые тяжелые, послеоперационные, с проникающими ранениями.

С травмой головы большинство находилось в бессознательном состоянии. Некоторые пытались подняться и с криком «ура, за Родину!» бежать в «атаку». А некоторые лежали молча часами и даже сутками.

Один из таких, поступивший без документов, без фамилии в медицинской карточке, заполненной в медсанбате, не отвечал на вопросы и вообще не реагировал на происходящее вокруг него.

— Как ваша фамилия? — то и дело подходили и спрашивали врачи, сестры и няни.

Нужно было узнать имя человека. Кто он и откуда? Нужно было уловить момент, когда может проснуться сознание. Это был особый пост, который ни на минуту не покидали медработники.

Только дня через три без движения пролежавший больной слегка передвинул кисть руки.

— Как ваша фамилия? — поспешила я его спросить. — Как фамилия? Ваша фамилия?

И вдруг он с усилием выкрикнул:

— Лукашенко! Лукашенко! Лукашенко!..

Теперь вторые сутки отключиться не может. Днем и ночью — все «Лукашенко да Лукашенко».

...Противнику удалось потеснить части нашей армии, и потому создалась опасность окружения местности, где находился госпиталь.

Потеплело. По непролазной грязи кое-как тянули лошади повозки с ранеными. Из Юзефовки я их сопровождала до ближайшего госпиталя, который находился в деревне Сестриньковка.

Она располагалась в низинке, между холмами и пригорками, казалось, ничто не могло привлечь внимания немцев, но самолеты кружили и кружили над нами. Оставалось совсем немного пройти, уже спускались по косогору, когда появился самолет и пошел обстреливать обоз. Сразу же упали три лошади. Позвали на помощь вновь раненные. Растерянно смотрел на меня побледневший санитар. С безжизненно повисшей руки его частыми каплями стекала кровь. Часа два назад бежал он с носилками, помогая перекладывать людей со стола перевязочной на подводы.

Рука оказалась перебитой в локте. Рана сильно кровоточила. Наложила жгут. Наскоро перевязав, усадила на подводу. Теперь скорее его надо доставить на операционный стол.

У остальных ранения были не такими опасными.

Потеснив раненых, лежащих на телегах, мы с сопровождающим извозчиком переложили людей с тех повозок, где пострадали лошади, и покинули место происшествия.

ЧТО ТАКОЕ «ПОДВИЖНОЙ»

С успешным продвижением войск полевым госпиталям надо было оперативно следовать за передовыми частями. В таких случаях задержки на местах оказывались короче, до пяти — восьми дней. На эти дни приходилась более напряженная работа.

Получив приказ свернуться, личный состав не имел возможности передохнуть. Сразу же отправлялся в путь.

Обычно на развертывание госпиталя давалось от двух до четырех суток в тех случаях, когда шла подготовка к наступлению, во время подтягивания армейских подразделений на данный участок предстоящих боев.

Но случалось и так, что, пока подбирали помещения, приводили их в порядок, войска успевали продвинуться вперед. Тогда и мы получали приказ: «По машинам!» А полностью подготовленный госпиталь переходил в другие руки. Мы же не успев поработать, с сожалением оставляли свои труды. Но

чем дальше, тем радостнее становилось на душе: ведь мы уходили вперед, ближе к победе.

На сборы много времени не требовалось. Взамен использованных на заправку кроватей комплектов белья от прибывших получали упакованное в мешках. Перекладывали с машины на машину и — вперед!

Бывало и так, что раненые встречали медработников в назначенном месте, где должен развернуться госпиталь. В таких случаях подготовка помещений, оказание помощи людям начинались одновременно. Так случалось тогда, когда подбирались помещения и только бронировалось место для будущего лазарета. Там пока лишь ставили указатель со словом «госпиталь». А на перекрестках дорог — стрелку с надписью «Хозяйство Темкина». Это, чтобы знали свое направление водители следом идущего автотранспорта с госпитальным имуществом. И порой только успевали поставить знаки, как тут же начинали прибывать машины с ранеными.

Определение места заключалось не только в подборе территории и помещений. Проводилось и обследование населения, освобожденного от оккупации. Выявлялись случаи инфекционных заболеваний — все подвергалось санитарной обработке. Обследовались также и водоисточники, ремонтировались колодцы. При необходимости выставлялась охрана. За все это отвечал Николай Дунаевский со своими помощниками.

Не часто удавалось подобрать подходящие помещения. Занимали конюшни и сараи, располагались по хатам, постоянно использовали полевые палатки, для личного состава — землянки. В сельских местностях вся надежда была на школы и больницы. Позже, за пределами страны, например на территории Польши, приходилось развешиваться и в графских поместьях и в помещичьих усадьбах.

Вспоминали село Бобрик Киевской области. После ухода немцев здесь уцелели всего несколько хат, полуразрушенная церковь, два класса школы да колхозные конюшни. Развертывание полевого госпиталя осложнялось тем, что большая часть личного состава еще не прибыла на место. Осенняя рас-

путица затрудняла переброску имущества. Раньше всех прибывшие врачи, медсестры и штабные работники дни и ночи расчищали конюшенные помещения и полуразрушенные здания. В плетеных сараях развернули приемное отделение. Людей укладывали на носилки, установленные на подставки.

С наступлением осени изменилась погода. Временами шел снег, раненные мерзли. Не согревали их ни шинель, ни одеяла. Пришлось срочно промазать стены сараев глиной, чтобы не продувало. Кроме того, из бочек смастерили металлические печки, которые весело загудели, щедро раздавая людям тепло.

В одном из сел на территории Западной Украины тоже стояли три длинных плетеных сарая. Это был помещичий конный парк. Здесь можно было разместить до шестисот раненных. Только надо приложить усилия: срочно вычистить, засыпать песком полы, сколотить подставки для носилок, украсить стены хвойными ветками — получится прекрасное госпитальное отделение.

Тут же рядом находилось еще одно небольшое помещение, типа деревенского бревенчатого амбара. Уж так оно было нам необходимо! Но от пола до потолка завалено было солью или удобрениями, которые, пролежав многие годы, превратились в камень. Почти два дня мы мучались с этой соленой глыбой, разбивая ее ломом. И без того стояли жаркие дни, а при физической работе да в соленой пыли, которая лезла в глаза, нос и рот и разъедала потные тела, думали, не выдержим.

— Не на курорт приехали, пошевеливайтесь! — восклицала Гладких.

Все было сделано в срок.

Прибывший член Военного Совета генерал-майор Олейник вынес благодарность всему личному составу за быструю и хорошую подготовку помещений к приему раненных.

С каждой новой дислокацией мы не могли не вспомнить наше первое место работы на Курской дуге, где были приложены невероятные усилия для развертывания госпиталя, где был проведен огромный объем работ, потрачена масса вре-

мени и человеческой энергии на строительство подземных помещений. Подобная трата времени сейчас была уже немыслима, ведь не месяцы и недели требовались для подготовки к предстоящей работе, а порой считанные часы. На то он и полевой подвижной, назначение которого обязывает в любых условиях, за кратчайший срок подготовиться к приему и оказанию помощи пострадавшим.

Так личный состав ХППГ-5148 набирался опыта в оперативном развертывании в полевых условиях и не менее оперативно научился справляться с работой во время приема поступающих.

К назначенному сроку готовился весь личный состав. Все были сосредоточены, подтянуты, согласованно действовали во всех отделениях. И не было среди нас равнодушных к ставшей повседневной и привычной работе, а было сознательное отношение к делу каждого на своем месте.

Как уже известно, раненые с поля боя вначале поступали в медсанбаты, где им оказывалась первая помощь, а нуждающимся — экстренная операция. Затем они направлялись в госпитали по профилю ранения. В один из полевых шли получившие травму только в конечности — нижние и верхние, в другой — только с проникающими ранениями в грудь, живот, череп, в третий — только легко раненные, кому не требовалось длительного лечения, а через несколько дней они снова уходили по своим частям.

Распределение по профилю ускоряло и улучшало оказание помощи, потому что в каждом из специализированных госпиталей работали соответствующие врачи-специалисты. С их помощью и консультациями проводились операции и лечение.

Бывало и так, что на каком-то участке фронта полевой госпиталь оказывался впереди медсанбатов, тогда сюда поступали все раненые непосредственно с поля боя и независимо от профиля ранения.

Прежде чем приступить к оказанию медицинской помощи, каждому прибывшему давалось подкрепление: по пятьдесят граммов спирта, бутерброд с колбасой или маслом-сыром

и горячий сладкий чай. Затем они регистрировались. На каждого заполнялась теперь уже подробная история болезни, с которой он не расставался до выздоровления.

После этих обязательных процедур, в определенном порядке и в зависимости от тяжести ранения, одних направляли в операционную, других — в перевязочную, третьих — в санпропускник, где проводилась полная санитарная обработка. Одежда шла в дезинфекционную камеру, раненых стригли, брили, мыли, переодевали в чистое белье и относили в палату.

В оказании помощи должна была соблюдаться строгая оперативность: нуждающихся в хирургической обработке раны необходимо было прооперировать в течение первых суток после ранения.

Естественно, медицинские работники не могли не придерживаться этой строгости, понимая, что запоздалая обработка раны оборачивается ее воспалением, а ощущения от прикосновения скальпеля к тканям становятся более болезненными. Да и заживление таких ран затягивается. И медики в любой обстановке, не прячась от бомб и снарядов, спешили оказать своевременную помощь, упорно вели борьбу за жизнь каждого человека.

Случалось, если кто погибал, подробно разбирались в причинах смерти, выясняя, что могло быть упущено, что можно было предпринять еще, чтобы спасти человека.

За годы войны кто-то придумал неумную поговорку: «Война все спишет!» Нет. Ничего не списывала война, а тем более Человека. Врачу совсем не просто было написать в истории: «Умер от ран, полученных при защите Отечества» и поставить свою подпись. И потом, спустя десятилетия, родные и близкие тоже не сошлются на войну, чтобы вычеркнуть из своих сердец как умерших от ран и погибших на поле боя, так и без вести пропавших отцов, сыновей, дочерей и мужей. Они всю свою жизнь станут ждать и надеяться на чудо воскрешения. Ждать и страдать.

Уместно вспомнить здесь разговор со старшей сестрой о списании сгоревших одеял. Что они стоят по сравнению с на-

несенным войной ущербом?! Но нет, мы не ссылались на войну. Если при передаче дежурства или при переездах чего-то не досчитывались, за это расплачивались палатные и старшие сестры. Стоимость пропавшего вычиталась из зарплаты. Меня первое время удивляло и даже возмущало то, что надо было экономить каждую бутылочку-коптелочку бензина. Знала, что в гараже постоянно находится несколько бочек бензина — тонны, между тем нас оговаривали за сто-двести граммов. Перерасход — и все тут. Только потом, много лет спустя, когда перечитывала военные мемуары маршала И. С. Конева, командующего 1-м Украинским фронтом, не менее удивилась строкам о том, как он докладывал в Ставку Верховного Главнокомандования, что отпущенный лимит бензина полностью израсходован, в связи с этим просил отпустить дополнительно. Значит, тоже не брали, сколько хотели.

Да, удивляюсь. Мне казалось, как можно было лимитировать бензин на войну, если он так необходим был для победы!

Оказывается, все было лимитировано. Все находилось на строгом учете. И надо было придерживаться порядка. Если бы не было этого порядка и дисциплины, какая существовала в войсках, — не было бы и победы.

Нелегко было работать и на таком важном участке, как аптека. Ее заведующая лейтенант Рудина, Ревекка Абрамовна, имела всего одну-единственную помощницу — Надю Жукову.

Постоянной заботой начальницы было своевременное обеспечение госпиталя необходимыми лекарствами. Для этого при управлении полевыми госпиталями существовала служба доставки медикаментов с центральных складов. Но случалось так, что чего-нибудь да не оказывалось. Тогда Рудина сама, порой в распутицу, по бездорожью, на машине, лошади или пешком, отправлялась, чтобы получить и доставить необходимое. И госпиталь никогда не оставался без самых дефицитных лекарств и перевязочных средств. А при большой нагрузке эти две труженицы сутками не покидали аптеку, обеспе-

чивая отделения порошками, микстурами и стерильными жидкостями для подкожных и внутривенных вливаний, что требовалось постоянно в огромном, фантастическом количестве.

А вот Люся Гузенко, госпитальная парикмахерша, первое время работала одна, без помощников. Ей надо было побрить и постричь всех, кто поступал в приемное отделение. Каким бы тяжелым ни был больной, она находила подход к каждому и своей жизнерадостностью поднимала настроение, вызывая улыбки на лицах. Порой трудно было подобраться к больным, которые временно были уложены на пол. Приспосабливаясь, она приговаривала:

— Ничего, так и быть, постою перед вами на коленях.

Так и ползала часами и сутками, продолжая шутить и веселить упавших духом.

С полгода остро чувствовался недостаток автотранспорта, из-за чего задерживалась перевозка людей и имущества, подвоз продовольствия и эвакуация. Вначале было всего две машины. На них кое-как успевали перевозить хозяйство. Личный же состав к месту назначения добирался пешком, на попутных машинах, на танках и мотоциклах.

Год спустя в автопарке госпиталя находилось более двадцати различных машин — грузовых и легковых, несколько автобусов.

За короткое время и молодые, неопытные врачи окрепли в своих знаниях. От мелких хирургических обработок ран они перешли на более сложные и полостные операции.

Медицинские сестры овладели техникой переливания крови и внутривенных вливаний. Это необходимо было уметь с первых дней работы в полевых условиях.

Раненым, потерявшим много крови, требовалось введение и в большом количестве различных кровезаменяющих жидкостей.

Крови тоже требовалось всегда много, и потому более половины работников госпиталя стали донорами.

Да, раненым и больным со стороны руководства и всего личного состава уделялось огромное внимание. Делали все,

на что мы были способны, не считаясь со временем и здоровьем. Доказательством тому были благодарности от фронтовиков и от высшего командования. В скором времени госпиталь стал считаться одним из лучших в 38-й армии.

Многие из нас получили повышения. Начальнику госпиталя присвоили звание подполковника, медсестры стали старшинами. Конечно, трудно было на войне нам, девчонкам, но не ныли, не стонали от усталости. Были даже довольны своей судьбой, ведь мы принимали участие в защите Родины.

По молодости мои боевые подруги (да и я тоже) казались подчас беспечными. Жизнерадостность была через край, но что касается работы, то, наверное, только такие и могли выдержать все. Трудное не казалось трудным. Удивительно, откуда брал человек столько силы и энергии, что готов был своротить горы?

Нам все время сопутствовали дружба, сплоченность и взаимная выручка. Считаю, что сплоченность коллектива — заслуга партийной и комсомольской организаций, которые постоянно призывали к этому людей, утверждая, что в сплоченности наша сила и что только так легче переносятся трудности.

Коммунисты Миля Бойкова, Клава Еговцева и Николай Дунаевский, комсомольцы Шура Гладких и Оксана Драченко были примерными тружениками и отличными общественниками. Еговцева являлась редактором стенной газеты «Фронтowej медработник» и выпускала боевые листки. Ее заместителем была Гладких. Помогала им и я, находясь в составе редколлегии. Миля имела твердое партийное поручение — руководство кружком художественной самодеятельности, создав хороший коллектив самодеятельных артистов.

Кроме определенных поручений, все коммунисты и комсомольцы проводили политинформации в отделениях, по палатам.

Более подробные сообщения о боевых действиях по всем фронтам делали наиболее подготовленные товарищи: замполит и парторг, врачи и сам начальник госпиталя.

Несомненно, комсомольцы и коммунисты оказывали немалое воздействие в укреплении дисциплины путем проведения воспитательной работы среди личного состава. Они были и надежными друзьями-спутниками по военным дорогам.

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Вести из дома не приносили радости за все время переписки. Правда, мать скрывала трудности жизни в тылу. Даже писала, что живут хорошо. Просила не беспокоиться. Но я знала, что она пишет неправду. Знала по письмам сестер, как живется им тяжело и голодно. Как меняют вещи на продукты.

Можно ли было равнодушно читать такие строки: «...Когда не привозят в магазин хлеб, нам выдают по сто двадцать граммов муки... Мама ходила за мороженой картошкой в поле и пекла из нее лепешки. Они вкусные, только песок на зубах хрустит неприятно. А сейчас мама в поле идти не может. Болеет. Врачи говорят, что ее нужно обязательно положить в больницу...»

Пока шло письмо, мать уже несколько дней лежала в больнице. И без того скудный паек хлеба и других продуктов она отдавала дочерям. «Они учатся, — говорила она, — их надо кормить. А я как-нибудь переживу». Но «как-нибудь» не обошлось. Ослабленный организм не выдержал. Начался голодный отек. Потом она потеряла сознание.

Отец работал на одном из заводов Свердловска. Вызванный телеграммой за подписью лечащего врача, он вернулся домой.

Я часто задумываюсь над тем, почему так несправедлива судьба, что уйма бед сваливается на одного человека. Сколько же пришлось перестрадать моей матери!

Родилась в большой бедной семье. С четырнадцати лет испытала подневольный кулацкий труд. Скромная, исполнительная, она безотказно выполняла посылную и непосильную работу.

Несмотря на безрадостную жизнь, мать была веселой певуньей. Познакомилась с батрачившим у того же кулака Шачкова удалым парнем — гармонистом Алексеем Никулиным. Полюбили друг друга. Решили пожениться. Но родителям отца невестка нужна была побогаче. «Против воли родительской — не позволю!» — закричал дед. И, собрав скудные пожитки молодых, выкинул за ворота.

«Проживем без родительского благословения», — решили они.

Приютились в старенькой пожарной сторожке на краю села, где тоскливо свистел ветер, задувая в дыры и щели, а по ночам к самому дому подходили и выли волки.

Год спустя после замужества мать проводила отца на войну. Шел тысяча девятьсот четырнадцатый. Более двух лет не было от отца вестей. Считали погибшим, а его за это время одиннадцать раз засыпало землей при взрыве снарядов. И каждый раз откапывали легко или тяжело контуженного. Один раз он был ранен в ногу дробью, которая, как память о войне, осталась в мышце голени на всю жизнь.

Около года пробыл в плену у австрийцев. После обмена пленными вернулся домой с больными, простуженными ногами, на костылях.

Тяжелое было время. Неурожайные, голодные годы. Многие вынуждены были покинуть родные края, уехать в Сибирь, в другие области России на поиски лучшей доли. Отправились и мои родители.

Одно несчастье за другим преследовало их. По дороге в Сибирь мать тяжело заболела тифом. На одной из станций была снята с поезда и помещена в больницу. Долго лежала в бреду. Не узнавала навещавших ее мужа с ребенком. Искусанный в беспамятстве язык распух настолько, что еле умещался во рту.

Врачи не скрывали, что надежды на выздоровление мало. Очень истощен был организм.

Отец не мог оставить больную мать одну на чужой стороне. Пытался временно найти какую-нибудь работу, но тщет-

но. И, чтобы как-то продержаться, вынужден был ходить с ребенком на руках просить милостыню.

Но произошло чудо! Пришел отец навестить больную с тревогой, а его ожидала радость. Мать смотрела на него во все свои огромные черные глаза, которые от болезни стали еще больше, и улыбалась...

После выписки из больницы они продолжили начатый путь. Главе семьи нужно было крепко поработать, чтобы подлечить жену и ребенка, да и сам он еле держался на ногах от всего пережитого.

Но надежды на лучшую жизнь не оправдались. И тоска по родине не давала покоя. Через год вернулись в родные края.

Отец снова ушел воевать — добивать беляков.

Потом в их село пришла Советская власть. Начались большие события и перемены. Раскулачивали кулаков и отправляли в ссылки. Противники новой власти поджигали амбары с хлебом, убивали советских общественников. Одни наводили порядок, другие создавали беспорядки. Нелегко доставалась лучшая жизнь.

А сколько было радости, когда появилась возможность поставить свой небольшой домик! Потихоньку обзавелись хозяйством. Теперь у них было почти все. Не хватало только грамоты. Отец, уже будучи взрослым, стал выводить семь букв, составляющих его фамилию, в мастерской на верстаке, где познавал столярное дело. Букву по букве научился писать и читать. Мать «А-а» тянула вместе со своими детьми, первыми школьниками.

Наступившая мирная жизнь принесла им много радости. Но вот опять война и горе...

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Что за народ эти фронтовики — не перестаешь удивляться. Дрались отчаянно, с великой ненавистью к врагу, не щадя жизни. Совершали подвиги. Получали ордена.

Но вот ранило человека, прошедшего, как говорится, через огонь и воду. Попал он в госпиталь. Лежи бы, кажется, лечись. Отдохни. Пусть пока без тебя повоюют. Так нет ведь. Только поступит, день-два полежит, раз-два перевяжут: «Выписывайте, не могу больше! Далеко от своей части отстал». Готов в нижнем белье сбежать, а рана-то еще и заживать не начинала.

И сбегали. Особенно тогда, когда госпиталь принимал легкораненых. Приходилось ставить заслоны — часовых. Задерживать и возвращать в палату.

— Привязывать вас, что ли? — возмущались врачи.

Легкораненые вообще не относили себя к категории больных. Они считали так: чуть боль в ране успокоилась — можно в часть. А перевязку сделает санинструктор.

Привыкшим к окопной жизни в госпитальной постели казалось неуютно и быстро надоедает лежать.

Мы прекрасно понимали этих людей. Нам тоже работалось веселей, когда находились ближе к линии фронта. А трое наших девчат вообще сбежали в действующие части.

Почему-то всем нам хотелось побыть на передовой, почувствовать наибольшую опасность, испытать себя. Хотя, по словам фронтовиков, в полевом госпитале находиться было спокойнее. Говорят, что на передовой видишь, где враг, где свой и действуешь по обстановке. А здесь, порой совсем рядом, слышна стрельба, но какая вокруг обстановка — неизвестно. Этого нам было мало. А что бомбежки — уже свыклись. И мы и раненые принимали их как неотвратимое приложение к войне и переносили спокойно. Что делать?! Вот свистят бомбы и рвутся где-то рядом. Взрывной волной гасит лампу под стеклом. Наступает темнота и тишина. Все молчат. А потом раздается торжествующий голос:

— Перелет! Еще перелет!

Конечно, в палатах находятся разные люди, с разными характерами и настроениями. И ведут себя по-разному. Могут покапризничать, могут по пустякам обидеться и даже наругать.

Есть веселые, а есть серьезные, такие, кто не принимает шуток. И к каждому надо найти подход, каждого понять, чтобы не обидеть.

Все они очень чувствительны и наблюдательны. Знают, какая сестра «легче» делает уколы, у кого «счастливая рука» при снятии приставших к ране повязок.

Как врач определяет по настроению больных их самочувствие, так и они замечают, с каким настроением приходят на дежурство медицинские работники.

Получив печальное известие из дома о гибели старшей сестры, я пришла на дежурство в подавленном настроении. Сразу же обратила внимание на то, что в палате необычно тихо. Нет шуток и оживления, как прежде при встрече.

— Почему вы такие грустные сегодня? — спрашиваю.

— Это вам, сестренка, чувствуется, не до веселья.

— Вот как! У меня все в порядке. Я здорова и вам надо поправляться.

— Э-э, когда вы придете на смену да улыбнетесь, нам весь день бывает весело, — говорит пожилой боец.

После того разговора я твердо усвоила, что свое горе и неприятности надо прятать подальше и непременно перестраивать настроение, прежде чем войти в палату к больным.

А они все лежат и мучаются. У одних чешутся «пальцы», «пятки», которых нет, — остается такое ощущение после ампутации конечностей. Другие недовольны своей судьбой, потому что не убили ни единого фашиста. К таким относились, например, авиамеханики, которым по роду службы не пришлось ходить в атаку.

Был еще и другой род пациентов, из тех, кто тоже рвался на передовую. Это были не солдаты-фронтовики, а дети. Они попадали в самые нелепые и страшные ситуации. Чего-чего только с ними не случалось. Кто на mine подорвется. А кто-то отваживается самостоятельно отомстить фашистам за причиненное горе, за сиротство.

Скрипя зубами, слушали фронтовики повествование белорусского мальчика Юры. Прожил он на свете всего двена-

дцать лет, а ему казалось, что с появлением в селе фашистов прошла целая вечность.

Сбежал он от немцев во время облавы. Долго шел по лесу, ехал на поездах с пересадками, а куда — все равно. Хотел добраться до фронта, но на одной из станций попал под бомбежку, был ранен в ногу и доставлен в госпиталь.

Он рассказал о том, как жил с матерью в оккупированном немцами белорусском селе. Вместо игр занятиями ребятишек были поиски трупов партизан и военнослужащих Советской Армии, замученных и расстрелянных фашистами.

Они находили трупы на дорогах, в лесах, на поле. Закапывали скрытно от врагов. У кого не оказывалось в карманах документов, писали на дощечке «Неизвестный».

Почему-то особенно запомнился Юре один изуродованный труп, в карманах гражданской одежды которого ничего не было, кроме завернутого в газету маленького кусочка хлеба с маслом. Ему жаль было человека, который не успел съесть этот кусочек хлеба. Еще он подумал о том, что человек собрался в дорогу, а хлеба взял очень мало. Наверное, оставил ребятишкам...

Долго Юра размышлял о хлебе. Потому что сам был голоден.

Так и похоронили неизвестного, положив в карман маленький сверточек.

Каждую ночь коротали в страхе: доведется ли еще увидеть завтрашний светлый день.

Потом они с матерью ушли в партизанский отряд. Жили в лесу, в палатках, землянках. Мать стирала, готовила для партизан обеды, а мальчик устраивал игры с малышами. Развлекал их, как мог.

Рядом находилось болото, и их окружали тучи комаров. От укусов у маленьких детей распухали и страшно чесались лица и руки. Хотелось плакать и кричать. Но родители сказали строго: «Плакать нельзя — враги услышат!» И бедные малыши молча переносили все тревоги и испытания, выпавшие на их долю.

Наступили страшные дни. Гитлеровцы направили к лесу карательный отряд. Организовали облаву. Вначале бомбили с самолетов. Потом стали окружать и расстреливать людей, загнав в болото. Женщин с детьми вывели и выстроили на дороге, погнав впереди техники.

Фашисты хотели убедиться — не заминирована ли партизанами дорога и потому направили по ней мирное население.

Потом снова началась стрельба и паника. Люди заматались по дороге. Мать крикнула сыну: «Тикай к лесу!» Раздалась автоматная очередь. Мальчик увидел, как мать упала, распластавшись на дороге.

Какая-то женщина, схватив его за руку, дотянула до лесу. «Беги скорей, не оглядывайся!» И он бежал сколько было сил. Падал, вставал и снова бежал подальше от этого страшного места.

Ночи Юра проводил очень тревожно. Чуть забывался, как начинали сниться кошмары. «Мамка, опять фашисты!» — кричал он. Вскakiвал с постели и осматривал палату...

Ох, сколько прошло людей через наш госпиталь! Танкисты и артиллеристы, разведчики и связисты, летчики и пехотинцы... Каждый из них понимал, как он необходим на своем месте, переживал, спешил выздороветь и вернуться в часть, чтобы честно выполнить свой долг перед Родиной и непременно дойти до победы. Ведь немало пройдено опасных дорог, начиная от Москвы. Многие из них принимали участие в Сталинградском сражении и на Курской дуге, форсировали Днепр... Теперь на их пути к победе были Одер и Берлин.

Каждый, прошедший через ад войны, заслужил право на счастливый финиш, должен был испытать торжество предстоящей победы.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

Советские войска приближались к западным границам, освобождая израненную землю, исстрадавшийся за годы оккупации народ. Сколько было радости, когда мы узнали, что на-

на Родина полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков!

Но это была еще не победа. Задача, поставленная перед советскими войсками, состояла не только в том, чтобы изгнать врага с родной земли, но и помочь народам других стран запада освободиться от фашистского рабства.

...Позади польские города и местечки Рыманув, Кросно, Краков, а меня все еще не покидала мечта побывать на передовой. И сейчас, проведив в эвакогоспиталь раненых, я рискнула заехать в сануправление.

Начальник санотдела полковник Харченко был у себя и сразу же принял. Не успела доложить, что возвращаюсь...

— Не знаете, где находятся ваши? Сейчас скажу.

— Нет, товарищ полковник, прошу направить меня в действующую часть.

— С Темкиным не ладили, что ли?

— Товарищ полковник, я добровольцем пошла на фронт, а передовой не видела. Вернусь домой и рассказать не о чем будет.

Полковник расхохотался.

— Вот оно что! А здесь, старшина, по-вашему не передовая? Да здесь опасней, чем на передовой. Постоянно находитесь под обстрелом и бомбежками. Этого вам мало? А ответственность какая лежит на ваших плечах: сотни и тысячи человеческих жизней. Сколько пользы приносите, выхаживая раненых бессонными ночами. Сколько крови сдали, не пожалели для пострадавших воинов. Донор, небось?

— Да. У нас почти все доноры.

— Вот видишь, и кровь пролита не впустую, а на спасение жизни людей. Не даром проходят все ваши старания — до 70 процентов возвращаете в строй бойцов и командиров после лечения. Этого мало? Да вы здесь совершаете настоящий героизм, каждодневный подвиг. А будь на передовой, может, давно в живых бы не было. Шальная пуля могла уложить в первую же минуту и без всякой пользы. Вот что, дочка, никуда я тебя не пущу. Поезжай к своему Темкину, к подру-

гам-землячкам. Там тебя ждут. Сама знаешь, на новом месте всегда горячая пора. Скоро день победы будем праздновать, а вы хотите изменить землякам перед финишем. Это непρο-стительно! Давайте вашу маленькую, но сильную руку и креп-кое слово: до победы не расставаться!

— Спасибо, товарищ полковник. Я все поняла.

— Вот и хорошо. Ваши развертываются в местечке Кенты.

— Я знаю. Разрешите идти?

— Счастливого пути, старшина!

Да. Прослушала хорошую и полезную лекцию. И тепе-рь еду только в свой родной госпиталь. Ничего не поделаешь. Видимо, судьба моя такая.

Всю дорогу размышляла над словами полковника и согла-шалась с ним. Сейчас словно другими глазами смотрела на своих случайных спутников, сидящих рядом, в кузове ма-шины.

Это были люди молодые и пожилые. Рядовые и офицеры. Кто-то из них, возможно, спешил в часть, выписавшись из госпиталя, но теперь у меня не было зависти к тем, кто ехал на передовую. Я спешила на свой, медицинский фронт, где шла тоже ожесточенная борьба за жизнь людей.

Вижу указатель «Хозяйство Темкина». Значит, прибыла.

А обстановка-то здесь — будь здоров! Грохот стоит не-имоверный. Поблизости с воем и свистом проносятся снаряды «катюш», вызывая дрожь. Хочется прижаться к земле. А земля-то сама ходуном ходит. От взрывных волн ощущается колебание воздуха, и порой кажется, что перехватывает ды-хание.

В хозяйстве Темкина по обстановке чувствуется и нагруз-ка. Полный двор машин, пришедших с ранеными из медсан-батов и прямо с передовой. Подполковник Темкин и капитан Таран встречают и провожают в соседний эвакогоспиталь транспортабельных. Следят за порядком приема и отправки людей, подгоняя и без того употевших санитаров,

— О, вернулась! — как-то радостно произнес начальник. — Срочно возьми в штабе журнал, ручку, чернила и настраивай-

ся на сутки, а может, и больше. В приемном отделении лежат сотни незарегистрированных людей. Там и больные, с температурой, там и раненые. Двое ведут регистрацию, но дело продвигается медленно. Большое поступление.

«Так я и знала, что без меня не обойдуся!»

Госпиталь на этом участке оказался как никогда близко расположенным к переднему краю. Пострадавшие поступали не только из частей 38-й армии, но и из соседних соединений. Коллектив столкнулся с огромными трудностями. Не хватало помещений для размещения людей. Недоставало медицинского и другого обслуживающего персонала.

Личный состав прилагал все силы, применял весь опыт, полученный за полтора года работы, трудился дни и ночи в течение трех суток.

Прибывшими представителями санотдела в срочном порядке была запрошена помощь. Лишь несколько дней спустя, когда прибыл еще один госпиталь и несколько машин из автобатоальона, положение стало выправляться.

Это был самый напряженный момент в работе коллектива госпиталя, где каждый должен был проявить себя в деле, в умении организовать работу, — выдать все, чему он научился.

Эвакуация велась круглосуточно. Иначе было нельзя.

В феврале в этих краях чуть наступало потепление, как снег полностью исчезал. Дороги становились жидкими. Тяжело передвигаться что пешком, что на машине. Бесконечным потоком идущий транспорт углублял ямы и ямки, избивая дорогу. Я сопровождала колонну машин до эвакуогоспиталя. Несмотря на малый ход, людей встряхивало, причиняя им боль. Потрясешься по таким ухабам и скажешь поневоле:

— Эх дорожка, фронтовая!

Головную, в кабине которой сидела, вел молодой шофер из автобатоальона. Вот мы свернули с главной дороги на проселочную, мягкую, травянистую, по которой не слышно, как идет машина.

Проехав немного, увидели ползущего навстречу раненого фашиста. Шофер, остановив машину, вышел.

— Чего тут ползаешь?

Тот показал — застрели, мол, меня.

— Все вы так: «застрели!» Живи, коль жив остался! — ворчит парень, усаживаясь в кабину. — Зачем шел сюда, чтобы вот так ползать по чужой земле?!

Дорога шла пологим спуском, и неожиданно мы оказались на краю крутого оврага.

— В чем дело? — удивился шофер. — Была дорога, как дорога... Через такой овраг никакая машина не пройдет.

И верно, спуститься по крутому склону можно только кубарем, а выбраться совсем невозможно. Что здесь делали фашисты?

— Ты посиди, сестра, а я узнаю, где можно проехать.

Шофер отошел метров на десять вдоль оврага, как вдруг машина заскользила вниз по влажной и скользкой траве, только что освободившейся от снега.

Что делать? Кричать? Напугаю лежащих в кузове. Рванула ручку тормоза и держу что есть сил. Машина остановилась. Парень то ли уловил шум, то ли почувствовал неладное, обернулся и со всех ног пустился обратно.

Испуганный, бледный, влез он в кабину. С трудом вывел машину из опасного положения.

— Болван! — выругал он себя. — Спасибо. Выручила. Не растерялась.

— Да, не растерялась — без памяти была. Чуть успела за рычаг взяться.

— Как узнала, за какой?

— Часто ездить приходится. Привыкла уже, изучила. Доверили бы, пожалуй, повести смогла.

— Ой, представляешь, что могло произойти?

— Ладно, обошлось, и молчи. Поехали.

— Вначале выйди, посмотри, что делается в овраге.

Внизу, на глубине до ста или более метров, лежали десятки трупов вражеских солдат. По-видимому, отступая, не успели похоронить погибших. Возможно, и попавший навстречу выполз из этой ямы.

— Боже мой, что же это делается вокруг?! — не выдержала я. — И кому это надо, чтобы так мучились и гибли люди?

— Гитлеру, конечно. Кому же еще.

— Посмотрел бы он, что стало с его храбрым войском!..

С трудом отыскивали малообъезженную дорогу, которая вела к железнодорожному разъезду, где стоял эвакуогоспиталь.

Сдав раненых, повернули назад. Фашиста на дороге не оказалось. Наверное, специальные части подобрали. Ну и пусть! Без него гадко на душе. Он первый испортил настроение. Потом эта свалка трупов. И до сих пор не могу успокоиться от пережитого мгновения у оврага...

...Позади более семи месяцев жизни и работы на территории Польши. Тяжело доставались освободителям с боями пройденные километры, но теперь можно было поздравить уже и народ этой страны с освобождением от оккупантов, потому что мы переступали порог Германии.

По пути следования, на заборах и стенах домов аршинными буквами, а на машинах и танках, естественно, помельче, написано: «На Берлин! На Берлин!» «Дорога домой — только через Берлин!»

Замирало сердце от предчувствия близкой победы, а бойцам это придавало силы, порождало новые героические подвиги, создавая условия для подготовки к штурму Берлина.

Хотя нашей части не суждено было штурмовать Берлин, шоферы на своих машинах тоже написали: «На Берлин!». И вот уже госпитальные автоспидометры отсчитывают пройденные километры по немецкой земле.

Перед вступлением на территорию врага нам напоминалось о соблюдении особой бдительности и дисциплины, о тактичности в обращении с населением.

От нас не скрывали сведений о бесчинствах фашистов, о расправах с советскими людьми. Мы знали о том, что при

испытаниях боевого оружия они использовали живые мишени — советских пленных.

В боевых листках освещались все новые и новые события, свидетельствующие о злодеяниях противника. Но что могли сделать мы в своей ненависти к врагу, кроме того, что делали, выполняя свою миролюбивую миссию в борьбе за жизнь воинов, а нередко и за жизнь вражеских солдат.

Впереди увидели столбы черного дыма, то и дело поднимающиеся ввысь. Землю сотрясали взрывы бомб...

Подъехали к городу, охваченному сплошными пожарищами. Нам сказали, что это была работа летчиков авиации союзников. Горели дома. Горела поверженная фашистская Германия.

Горы кирпичей забаррикадировали улицы, и по ним ни пройти, ни проехать. На месте многоэтажных домов — развалины.

Колонны машин, танки, вся военная техника с шумом и грохотом несутся по расчищенной главной магистрали. Вперед! Скорее вперед!

А наш автобус свернул в более спокойный переулок, если не считать горящих вокруг зданий. Остановились у четырехэтажного дома с, как ни странно, уцелевшими стенами, только без окон и дверей.

Входим и видим знакомое медицинское оборудование. Стоят развернутые стерильные столы, лежат гипсовые бинты, на месте вся медицинская техника. Все оставлено так, словно хозяева только что вышли, сейчас вернутся и приступят к работе.

Помещение занимал немецкий госпиталь. Раненых вывезли перед вступлением в город частей Советской Армии. Наверное, думали, что мы с ними станем расправляться, как это делали фашисты с нашими ранеными.

Вокруг очень тревожно. Командование принимает меры к усилению караульной службы. Выделяется ночной патруль. Вводится строгий режим и распорядок для личного состава.

Днем и ночью в окружающих кварталах, в соседних с на-

ми домах появляются все новые и новые пожарища. Враги, не успевшие покинуть город, поджигали в разрушенных домах мебель, вещи — все, что могло гореть.

Только что трепыхались на ветру вырвавшиеся из разбитых окон разноцветные шторы, и вот они уже в огне.

«Что вы делаете? — хотелось спросить у поджигателей, — зачем уничтожаете то, что создано трудом людей?»

Многое надо было сказать и доказать некоторым жителям города, фанатично настроенным против советских людей, но они, как паразиты-невидимки, выползали из своих укрытий втихомолку и скрывались, совершив свое подлое дело, избегая дружеского общения с нами.

На крыше занятого под госпиталь дома круглосуточно дежурили бойцы, обливая ее водой из шлангов, чтобы не дать нагреться. Оберегать от огня надо было не только это здание. Напротив госпиталя, через улицу, на первых этажах были размещены наши продовольственные и вещевые склады, подсобные помещения, а на третьем — общежитие медсестер. Рядом, в двухэтажном особняке, — штаб со всеми его работниками и начальником госпиталя.

Одним словом, обстановка для жизни и работы была такой, что хуже некуда. Но, несмотря на неблагоприятные условия и проведенную большую работу по ремонту помещений, к концу вторых суток коллектив готов был к приему раненых.

У меня несколько палат светлых и просторных, с десятками кроватей, заправленных новым постельным бельем. На столах — цветы, откуда-то привезенные шоферами. В открытые окна врывается весенний апрельский ветер с запахами гари и дыма.

Еще раз осматриваю — все ли сделано. На душе отчего-то так радостно. Может, день хороший, ясный. Или по-домашнему уютно в палатах. И сама я одета почти по-домашнему. Из военной формы на мне только юбка. Блузку заменила мужская рубашка с закатанными рукавами. Вместо фартука — полотенце.

Прохожу, представляю, как раненые после окопной жизни окажутся в этих уютных палатах.

Убедившись, что все на своем месте, принялась за последнее — расстлать трофейные дорожки, оставленные хозяевами. Ползаю по полу, разглаживаю.

Неожиданно открывается дверь, и в палату входит полковник Харченко. За ним подполковник Темкин, а там кто-то еще и еще.

Встала по стойке «смирно», чтобы отдать рапорт, а мысль сверлит: «Не по форме одета. Нагорит мне сейчас!»

— Товарищ полковник, второе отделение госпиталя к приему раненых готово! Докладывает... старшина медицинской службы Никулина.

И тут заметила, что позади Темкина стоит генерал-майор. «Ну, теперь-то определенно достанется!» Положено рапорт отдавать старшему по званию.

Выручил полковник:

— Хотя и не вижу, что докладывает старшина, но вижу, что полный порядок. Даже с цветочками и дорожками. Хорошо встречаешь раненых. Молодец! А то «на передовую хочу!» — напомнил он.

Темкин удивленно посмотрел на меня, потом на полковника. Заметив недоумение Темкина, Харченко сказал:

— Ты, товарищ начальник, докладываешь, что это твоя самая маленькая и лучшая сестра, а не знаешь о том, что она хотела сбежать на передовую. Я спросил, может, ты ее обижаешь, — не призналась.

— Не-ет, — растянул начальник, — мы с ней живем дружно. И разговору о передовой никогда не было.

— Она к тебе с такой просьбой и не пошла бы. Знает, что не отпустишь. Потому и махнула прямо в санотдел. Мы с ней хорошо побеседовали, а то бы прощай Темкин! Вот так-то, дочка, будь здорова!

Темкин выходя последним, обернулся и погрозил мне пальцем:

— Я тебе покажу передовую!

Сквозь щели между досок, которыми заколочены незастекленные окна в комнате общежития, мелькало пламя, пробивался насыщенный гарью воздух.

— Как грустно нам будет расставаться, девочки, — мечтательно произносит Шура, — я никого из вас не хочу терять. Если получится, стану врачом-хирургом. Добьюсь своего и во время отпусков стану вас навещать. Досадно, что не сбылась моя мечта — попасть на передовую, поработать на машине. Но я не жалею. Я рада, что узнала таких славных девчат.

— Да, расставание — событие тяжелое, но ничего не предлагаешь. Разведемся кто куда и займемся мирными делами. Я сразу же подамся в университет, — говорит Клавдия Степановна, — кто окажется в Перми, всех разыщу и нанесу визиты.

— Ко мне в первую очередь, Клавочка, я почти рядом с университетом живу.

— Есть, Любаша, договорились.

— Девчата, а давайте соберемся после войны, — предлагаю я, — захочется посмотреть друг на друга, какими мы станем. Наверное, фасонистые — в нарядных платьях, в туфлях-лодочках ходить будем.

— А что, и соберемся. Думаю, никто не откажется, — поддерживает Миля.

Большинство из нас на гражданке собирались стать врачами. А кто окончил краткосрочные курсы медсестер только для того, чтобы попасть на фронт, как Оксана и я, еще не решили, чем займемся — работой или учебой. Посмотрим по домашним обстоятельствам.

Потом, уже в который раз, продолжали спорить и обсуждать вопросы любви и дружбы. Стоило ли на войне поддаваться личным чувствам? Можно ли было всерьез любить, когда рядом — беда и горе? Когда одних ранило, других убивало, третьи оставались жить.

Мы будто подводили итог всей нашей беспокойной походной жизни, порой неповторимо задушевной была беседа.

Все жили надеждами на близкий конец войны. Но бои продолжались и на территории Польши, и в Германии, и в Чехословакии... Продолжали поступать и раненые. Как обычно, шла работа в перевязочных и операционных. В палатах вздыхали и стонали прооперированные.

Не стонал подполковник Одоев, командир истребительного противотанкового артиллерийского полка. Можно было позабывать его терпению. Осколком снаряда вырвало мышцы бедра. Невредимыми оставались кость и часть мышц, защищенных кожным покровом лишь на небольшом участке. Состояние было тяжелым. Большая потеря крови. При снятии повязки открывалась обширная зияющая рана. Молча лежит в палате, ни звука не произнесет и в перевязочной. Только каждый раз скромно попросит, чтобы и следующую перевязку ему сделала я.

Человек прошел войну с первого ее дня, а за две недели до победы получил ранение при освобождении чехословацкого города Острава. Подлечили его. Перелили кровь. Довели до транспортабельного состояния и отправили в тыл.

После Дмитрий Архипович Одоев пожалеет о том, что не записал полевую почту госпиталя. Но он запомнил мое имя и фамилию и долгие годы искал, не теряя надежды на встречу. Как ни странно, но почти через сорок лет наша встреча состоится и он скажет: «Предполагал, что тебе всего лет шестнадцать-семнадцать, и удивлялся: откуда такой опыт, такая сноровка в работе. Перевязки делала осторожно. Потому и просил, чтобы перевязывала меня только ты. Может, это и нехорошо с моей стороны, но рана-то была ой-ой какая! И много лет спустя говорю тебе великое спасибо за сочувствие, какое ты проявляла к раненым...»

Немецкий город Ратибор останется памятным многими событиями, в том числе и самым радостным, самым главным: здесь мы встретили День Победы.

Это было обычное утро, предвещавшее ясный день. Чувствовалось безоблачным небо. Все ли оно было чистым, мы видеть не могли из-за густой укутывающей дымки. Мы находи-

лись будто в огромной колбе из матового стекла, которую прикрывал кусочек голубого неба. Только местами пробивающиеся сквозь дымку солнечные лучи обещали доброе утро и хороший майский день.

Внезапно раздались тревожные выстрелы. Вначале единичные, потом автоматные. Немного времени спустя загремело повсюду.

Встревожились больные и здоровые. Что случилось? Почему идет стрельба по всему городу?

Руководство госпиталя срочно направило связных в ближайшие воинские части, чтобы узнать причину происходящего.

Несколько минут спустя мы услышали выстрелы во дворе. Это наши посыльные вернулись с радостным известием:

— Победа! Победа! Слышите?

— Капитуляция! Это салют гремит!

— Ура! Ура! — покатилося по палатам...

Большинство раненых, молчаливо лежавших, в этот день были неузнаваемы. Пели, кто не умел. Плясали, кто не мог. Смеялись и хохотали по причине и без причин. Кто как мог проявляли свою радость, свое торжество.

Для всех участников войны это был самый счастливый день в жизни! Надо было видеть лица этих людей, их настроения. Людей, столько переживших за долгие годы войны.

Это было великое торжество советского Солдата-победителя.

Не сразу дошли до нашего сознания слова «Капитуляция!» «Победа!». Трудно было объяснить и чувства, какие испытывал каждый из нас в то доброе майское утро.

Следуя за передовыми частями, начиная от Курской дуги, мы вместе с бойцами радовались освобождению каждого километра земли. Но это всеобщее чувство торжества за одержанную победу — несравнимо, необъяснимо.

Только для войск Советской Армии война не окончилась. Продолжалась освободительная миссия — борьба за освобождение народов западных стран. Наконец, 9 мая, в великий для советского народа день, и Прага стала свободной.

Машины, вышедшие 11 мая из Ратибора, передвигались по дорогам Чехословакии в общем потоке войск.

Мы прибыли в чешский город Кутна-Гора, находящийся в семидесяти километрах от Праги.

Советско-чехословацкие войска добивали остатки гитлеровских частей, завершая полное искоренение фашистской нечисти в Чехословакии. Заканчивалась и наша миссия.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

Вот и пришла пора возвращаться по домам. Позади полевые условия жизни и работы. Но еще много, ох, как много лет будет эхом доноситься свист снарядов и авиабомб, пикирующих самолетов...

Все выдержали худенькие хрупкие плечи девушек-медсестер. Война закалила нас во всех отношениях. Мы стали сильнее духовно и физически, намного поумнели, стали серьезней относиться к жизни. Но главное — испытывали такое необъяснимо приятное чувство гордости за одержанную победу, хотя и не принимали непосредственного участия в схватках с врагом.

Признаться, как бы ни было временами трудно, я никогда не жалела и не думала о том, что напрасно пошла на войну добровольцем. Действительно, я здесь была нужнее, чем в тылу. Сейчас испытываю чувство гордости за себя, за то, что осмелилась так поступить, что смогла перенести все трудности и потому с чувством великого удовлетворения возвращаюсь домой.

Настал день, когда поезда и машины повезли нас на восток. Как бы ни было хорошо «в гостях», а о доме мы помнили постоянно. Временами мучила такая тоска, так страшно хотелось на минутку оказаться в родном краю.

Наверное, вдали от Родины все испытывают такое чувство, словно «болит» или «ноет» душа.

«По-ско-рей! По-ско-рей!» — отстукивают колеса.

Поезд замедляет ход у пограничной станции. Но что это? — эхо войны? Нет. Это гремит салют в честь победителей, возвращающихся на родину из дальних и трудных походов. Они не ждут полной остановки эшелона. На ходу выпрыгивают из вагонов, чтобы твердо почувствовать под ногами свою, русскую землю.

Выйдя из вагона, кто-то распластался на ней, обнимал и целовал после долгой разлуки, кто-то смеялся и плакал от радости, а кто-то громко кричал:

— Здравствуй, Родина!

И вот последнее место дислокации ХППГ-5148 в городе Станиславе (Ивано-Франковск), где мы должны сложить свои полномочия, расформироваться, расстаться с друзьями и подругами, ставшими такими дорогими, близкими...

«По-ско-рей! По-ско-рей!» — снова стучат колеса.

Спешу домой. Ведь маме обещала, что сразу вернусь, как кончится война.

Сидим с Шурой на скамейке у открытой двери вагона, вспоминаем тех, с кем не так давно расстались.

Нашими спутниками по вагону оказались сибиряки и дальневосточники. А я мысленно мчусь через весь путь, какой предстоит преодолеть до Урала, но не дала мне раньше времени побывать дома звонкая задорная песня, начатая попутчиками:

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

Дружный хор подхватывал припев. Казалось, что от радости и счастья пела сама душа у этих солдат, возвращаю-

щихся с великой битвы на Родину, которую они отстояли такой дорогой ценой.

«По-ско-рей! По-ско-рей!»

Уже мелькают знакомые поля и леса. Не украинские хаты, а деревянные домики уральских сел и деревень. Все больше охватывает волнение.

Вот и знакомый поворот. Мелькнул зеленый огонек семафора, раздался свисток паровоза, и состав, замедляя ход, потянулся по территории станции.

Семь километров пешего пути — вот мой дом. Поднимаюсь на второй этаж. Открываю дверь квартиры. С кухни донеслось шипение жира на сковородке. Запахло чем-то домашним, маминым.

— Кто там?

— Это я, мама, — останавливаюсь против кухни.

Загремела сковородка...

— Ой, бабушки, неужели дождалась?

На звон и шум выбежали из комнаты сестры. Вышел отец.

— Ну, здравствуйте, вот и я!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращались по домам фронтовики. Постепенно налаживалась мирная жизнь, работа и переписка с друзьями. Неожиданная встреча произойдет у меня с Валентиной Лащук, старшей сестрой госпиталя. Она всю войну переписывалась с фронтовым другом, оказавшимся родом из Перми. После победы они встретились и поженились. Так белорусская девушка осталась жить на Урале.

В первый же год после возвращения разыскала меня Клавдия Степановна Еговцева. Как уже известно, еще до войны она окончила педагогический институт и учительствовала. Потом пришла с радостным известием — принята в госуниверситет, на заочный филологический, осуществила свою мечту!

Маша Гуляева не изменила медицине. Стала медсестрой

городской детской больницы. Я после двухгодичной школы работала операционной сестрой в областной клинической. Все послевоенные годы занимаюсь поисками фронтовых друзей.

Так, много лет спустя разыскала замполита Юрия Васильевича Тарана, проживающего в Полтаве. Из переписки с ним узнала, что после демобилизации он снова был направлен Центральным Комитетом Компартии Украины в один из районов Львовской области, где работал секретарем райкома партии.

В 1948 году он вернется в родные края и будет работать директором средней школы до выхода на заслуженный отдых.

В течение многих лет навещала Клавдия Степановна нашего начальника, Ефима Яковлевича Темкина, жившего в Ленинграде. Все мы очень сожалеем, что в послевоенные годы не успели с ним встретиться.

...Шла подготовка к празднованию двадцатилетия Победы. Оформляли свои классы, пионерскую комнату и учащиеся школы деревни Заболота Пермского района. Среди преподавателей и ребят шел разговор о том, чтобы разыскать фронтовиков, бывших учащихся этой школы. Одной из первых учениц была названа участница Великой Отечественной войны Шура Гладких, которая, к великому сожалению, не дожила до наших дней. Война подорвала ее здоровье. После тяжелой болезни еще в 1946 послевоенном году не стало моей подруги, веселой и жизнерадостной девушки с озорными глазами в пушистых ресницах.

И пусть Шура Гладких была обыкновенной, ничем не примечательной, не совершившей, вернее, не успевшей совершить, в жизни чего-то выдающегося, погибнув в двадцать три года, пионерская дружина школы была названа ее именем.

Шура оказалась скошенной болезнью, как молодая березка осколком бомбы, и не успела осуществить мечту о том, чтобы восстановить срубленные ею деревья во время войны. И все же ее мечта сбылась. В память о ней вокруг новой школы растут и весело шумят десятки молодых шуриных березок, посаженных руками ребят.

...9 мая 1984 года. На Октябрьской площади Перми звучат веселые марши. Юнармейцы готовятся к параду, посвященному Дню Победы. К этому времени со всех сторон спешат сюда люди. И молодые, и пожилые, и дети.

Почти одновременно, в условное место, навстречу друг другу с цветами в руках идут бывшие фронтовые подруги. Это Валя Лашук, Миля Бойкова, Клава Еговцева, Маша Гуляева...

Нас ожидает еще несколько радостных встреч. Сейчас мы сядем в такси и отправимся в аэропорт, куда в скором времени прибудут доктор Вера Петровна Чигогидзе из Москвы, бывший замполит Юрий Васильевич Таран из Полтавы, а из Львова — Николай Дунаевский и Оксана Драченко, которые, после войны соединив свои судьбы, стали супругами.

Бывший лейтенант Дунаевский, а сейчас майор в отставке, преподает в одной из школ города Львова. Мы встречаемся ежегодно.

...Дунаевские, радостные, взволнованные, спускаются по трапу самолета...

Немного позже в аэропорт прибыли начальница аптеки Ревекка Абрамовна Рудина из Витебска, а из Запорожья — все такая же веселая и обаятельная Люся-парикмахерша. Теперь Людмила Владимировна.

И еще предстоит одна приятная встреча. Из Севастополя приезжает бывший раненый — подполковник Дмитрий Архипович Одоев, командир противотанкового артиллерийского полка, о ком я уже рассказывала в дни работы в городе Ратисборе.

С магнитофонной ленты звучала торжественная музыка, песни военных лет, напомнившие о том далеком времени, когда была «не страшна нам бомбежка любая».

Милые мои боевые подруги, дорогие друзья. Пусть через много лет, а все же сбылась наша желаемая мечта о послевоенной встрече. Рада видеть вас по-молодецки бодрыми и такими же красивыми. Только возмужавшими и чуть поседевшими. Но наша седина — не беда, а гордость.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Сивков. ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ОДИН . . .	7
Л. Макарова. ПОДСНЕЖНИК НА БРУСТВЕРЕ . . .	61
С. Иванов. В ОГНЕННОМ НЕБЕ РОДИНЫ . . .	99
В. Шихов. МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ . . .	141
Г. Тиунов. ЭТО БЫЛО НА РЫБАЧЬЕМ . . .	165
И. Юхнов. ДРУЗЬЯ МОИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ . . .	191
Л. Буткевич. В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ . . .	299

Бойцы вспоминают

Редактор В. Шитов
Младший редактор Л. Богданова
Художник В. Остапенко
Художественный редактор С. Лузин
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Л. Крамаренко

ИБ № 1242

Сдано в набор 29.08.84. Подписано в печать 21.12.84. ЛБ02303. Формат 70×97¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,16. Усл. кр.-отт. 19,84. Уч.-изд. л. 18,43. Тираж 15 000 экз. Заказ 557. Цена 85 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б77 Бойцы вспоминают. — Пермь: Кн. изд-во, 1985. — 374 с.

Сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

1. 292 - 12
М152(03) - 85 2 - 85

9(с)27

